

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ



Сергей САМАРОВ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РЕЙД



Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Специальный рейд

«Автор»

2004

Самаров С. В.

Специальный рейд / С. В. Самаров — «Автор», 2004 — (Спецназ ГРУ)

Схватка была стремительной и беспощадной. Несколько чеченских террористов остались мертвыми на асфальте. Но трое бросились в метро и смогли уйти. Среди них – и главарь бандгруппы... Вскоре, правда, спецслужбы перехватили его звонок. Бандит просил помощи. С кем он говорил? Кто его таинственный сообщник, где он? Спецаппаратура вывела на экран карту Москвы. Контуры района, куда звонил бандит, все отчетливее, крупнее. Эти кварталы известны всему миру. Кремль?! Координатор террористов свил гнездо в Кремле? Вот это новость! Под угрозой судьба президента и его семьи. И хоть спецслужбы укомплектованы лучшими специалистами, среди которых есть и бывшие бойцы спецназа ГРУ, работа им предстоит тяжелая. А времени в обрез...

© Самаров С. В., 2004

© Автор, 2004

Содержание

ЧАСТЬ I	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
1	5
2	8
3	11
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
1	14
2	16
3	19
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	23
1	23
2	25
3	28
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	31
1	31
2	33
3	35
ГЛАВА ПЯТАЯ	39
1	39
2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Самаров

Специальный рейд

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

– Мальчик мой...

В ответ только долгий и напряженный взгляд. Уловить хоть что-то в едва заметном шевелении материнских губ...

Она прощалась с сыном заранее, и уже не в первый раз, потому что тяжело сразу отторгнуть от себя живое и родное, отторгнуть – и надолго, может быть, навсегда, проститься с тем, кого сама произвела на свет в муках, криках и в громких молитвах. Прощалась, положив ладонь изуродованной руки ему на голову. Знала, что больше времени для прощания им может быть и не отпущено. Прощаться на глазах у всех ей было особенно тяжело, и потому она всегда искала время, чтобы побыть с ним наедине.

– Мальчик мой...

Мальчик, как обычно, как уже два года из трех лет своей жизни, молчал, только в глазах его было что-то такое, чего не выразить словами. Впрочем, он точно так же смотрел уже два года и на дверь. Зарема сначала думала, что сын ждет возвращения отца и не понимает, почему того нет. С удивлением – за что его, такого маленького, наказали, отобрав у него отца... Потом думала, что сын ждет уже другого человека, которого научился ждать, как отца. А потом и этого человека у него отобрали...

А он все смотрел и чего-то ждал...

А теперь отбирают и все остальное... Отбирают само право на ожидание...

Понимает или нет трехлетний Арчи, куда ушел отец, куда потом ушел Зураб, что готовят ему ближайшие дни?

Она думает, что он понимает...

Все думают, что – нет...

Все считают его неразумным инвалидом. Сын не только не разговаривает, он и не слышит после того случая двухлетней давности, когда Зарема осталась вдовой.

* * *

...Отец был высокий и стройный, с узкой, как у женщины, талией и по-мужски широкоплечий, гибкий, как береговой тростник, и сильный, как горная ель. И при этом легок характером, как ветер. Он всегда больше играл с сыном, чем мать. Он вообще был невероятно веселым и беспечным, шутливым и игривым. Сын так привык к нему, что плакал, когда за отцом пришли мрачные бородатые люди с автоматами и сказали, чтобы Адлан собирался быстрее.

– Почему ты должен наслаждаться ласками жены, когда другие дерутся за то, чтобы ты жил свободно? Ты сильный мужчина, а сильным мужчинам сейчас место не дома!

Адлан в ответ только широко улыбнулся и согласился. Он ни о чем не спросил Зарему, потому что мужчина не должен спрашивать женщину, когда речь идет о мужском деле. Это она хорошо понимала и возразить не посмела.

И его увели, оставив жену с малолетним сыном в горе и страхе.

А потом Адлан в течение месяца ночью приходил домой, занавешивал окна старыми одеялами, чтобы не было видно света, и ставил автомат рядом с дверью, которую запирает на засов. Раньше такого сильного засова на двери не было, был просто крючок из проволоки. По просьбе Адлана засов поставил днем его самый старший брат Темир, уже старик, оставшийся в деревне. Адлан приходил, и маленький Арчи смеялся и радовался при виде отца и любил тереться носом о его бороду. Зареме он больше нравился без бороды. Без бороды он выглядел моложе и красивее.

Арчи очень рано, просто на удивление всем, начал говорить и говорил много и подолгу. Как тогда смотрели на сына отец и мать... Не понимая больше половины из сказанного им... Арчи очень тянулся к отцу, и каждый вечер трудно засыпал, дожидаясь его. Когда Адлан приходил, сына будили. Днем отоспится...

Потом на целую неделю Адлан вернулся к дневной жизни и даже автомат спрятал где-то под крышей сарая, пока однажды утром за ним не заехали сразу на трех машинах. Торопили...

– Солдаты идут... Нас ищут. Всех знают. Жену забирай... Сына захвати... Будем к границе пробиваться... В Грузию уйдем, потом, если Аллах не оставит заботой, в Турцию...

Адлан думал всего пару секунд.

– Собирайся, Зарема. Одевай Арчи!

Сам бросился к сараю.

– Куда ты?

– Автомат там.

– Ладно... Есть в машине автомат... Скорее...

Зарема не поняла, почему они должны ехать, но не воспротивилась. Если так муж говорит, значит – надо. Арчи же радовался и смеялся. И без умолку что-то лопотал, помахивая пухлой белой ручкой. Кожа у сына, как у матери, – очень белая, тогда как отец всегда был смуглым. Ребенок до этого никогда на машине не ездил и не знал, что это такое. И ему нравилось, когда машину подбрасывало на выбоинах дороги. А дорога по военному времени из одних выбоин и состояла.

Село большое, по ущелью в сторону шоссе вытянутое. Арчи успел прокатиться в свое удовольствие. А на выезде, около развалин старого телятника, началась стрельба.

– Пригнись... – приказал Адлан жене.

Она сама пригнулась, как куст дикой прибрежной алычи, и накрыла собой сына, оберегая.

Адлан стрелял из окна машины. Из разбитого окна. Маленький Арчи смеялся и пытался выбраться из-под матери, принимая это за веселую игру, за продолжение той игры, когда подбрасывало машину. И совсем не боялся выстрелов. Совсем не боялся громких, резких мужских криков. Он думал, что мужчины тоже играют.

– Вправо забирай... – закричал человек, сидящий спереди. – Вправо! Слева гранатомет...

А потом что-то ударило в машину, подбросило ее. Почти сразу же запахло гарью. И больше Зарема ничего не помнит.

* * *

Она пришла в себя и как-то сразу поняла, по запаху, что ли, по тишине ли вокруг, что находится в больнице. Рука была в гипсе, голова обмотана бинтами так туго, что было больно. Должно быть, больно было не из-за повязки. Но ей казалось, что именно из-за бинтов и идет

к ней боль, пульсирует точечными ударами в горящем лбу. Память не покинула ее, и все прошедшее Зарема помнила хорошо. Но больше всего помнила страх...

– Арчи... Адлан... – глядя на медсестру, которую увидела со спины, произнесла она едва слышно.

– Что тебе, милая?.. – Медсестра повернулась на голос, склонилась над Заремой. Пожалуй, помоложе ее самой, рыжая и веснушчатая, русская.

Зарема долго рассматривала незнакомое, приветливое и простодушное лицо.

– Сын где? Муж? – при произнесении слов трескались пересохшие губы, словно слова хотели выходить наружу только с кровью.

– Сын в детской палате. Он жив... – сказала медсестра.

Если спрашивают про двоих и про одного говорят, что он жив, это значит, что второй погиб. Но Зарема переспросила:

– А Адлан?

Веснушчатая не ответила, посмотрела даже испуганно.

– Адлан... Муж...

– Я... Я не знаю...

И только тогда Зарема все поняла.

Она стала в двадцать один год вдовой.

* * *

Ей еще не разрешали вставать. Ночью она сама попробовала сесть, но даже в таком положении голова закружилась так сильно, что пришлось сразу же лечь, чуть не упасть перевязанной головой в жесткую больничную подушку. И после этого ее сильно тошнило. А утром сказали, что сына приведут к ней в палату повидаться.

– Арчи, – позвала Зарема, когда его только ввели в дверь. Голос не слушался, был слабым, и она его словно проглатывала вместе со слезами волнения. Арчи не услышал, хотя в палате стояла тишина.

Он только хмуро смотрел по сторонам, по-взрослому чуть набычив голову, чего раньше никогда не делал. Даже когда обижался и капризничал, что со всеми детьми бывает. Но мать не услышал.

– Арчи... – позвала она громче и подняла руку.

Она опять увидела, что сын не слышит ее. И поднятую руку заметил только тогда, когда медсестра, что привела его, показала:

– Вот и мама...

Арчи смотрел и не узнавал. Бинты на ее голове мешали ему узнать мать. Он никогда не видел мать в таком виде. Но медсестра подвела его ближе. Теперь они смотрели глаза в глаза. Арчи чего-то ждал, взгляд его ждал. Он не бросился к ней, не прижался, не засмеялся заливисто и радостно. Смотрел и ждал.

Ждала и она, что он вот сейчас, вот через секунду заговорит, залопочет, обрадуется.

А он не радовался.

Она поняла не сразу: Арчи ждал, что услышит голос матери.

Но он его не слышал... И потому не понимал, что происходит. Мальчик оказался в другом мире.

В непонятном и беззвучном...

* * *

...Два года прошло.

Зарема больше не слышала от сына ни одного слова. Почти не слышала... Иногда сын издавал в волнении отрывочные звуки. И это было все.

И он не слышал ее слов. Мальчик оглох после взрыва машины, хотя врачи говорили, что слуховой аппарат у него в порядке, барабанные перепонки не повреждены. Предполагали, что глухота – последствие нервного переживания, точно так же, как и немота. Страшная фраза – посттравматический стресс, перешедший в невроз. Так непонятно говорили врачи...

Горе пришло...

Одних горе придавливает сразу, другие пытаются с ним бороться.

Она пыталась. Может быть, и не стала бы бороться за себя, но стала за сына. Едва оправившись сама, покрывая голову черным платком по самые глаза, как и положено вдове, но не только потому, что она вдова, а еще и потому, что в больнице ей выбрили голову перед операцией, Зарема, сама часто шатаясь от головокружения, стала таскать мальчика по врачам. Родственники деньги собирали. Если не хватало, она шла просить. Не стала бы никогда просить для себя, унижаться, но попросить для сына не считала зазорным. Всем селом ее отправляли в дорогу. Соседи, чем могли, всегда помогали, в память об Адлане, которого любили все. Она ездила и в Назрань, и в Ставрополь, и даже до Краснодара, а потом до самого Ростова добралась. И везде ответ был одинаковым – посттравматический невроз. Не сильно утешали мать врачи, привычные, как почти все медики, к чужой беде: может пройти со временем сам собой, может не пройти никогда. Если начнет развиваться дальше, перейдет в шизофрению.

– Отдай ты его в детский дом, – откровенно посоветовал один врач, пожилой психотерапевт, игриво осматривая эффектную фигуру Заремы. – Ты еще баба молодая, красивая, устрой свою жизнь, жалко такой пропадать...

Она посмотрела на него с гневом и отчаянием. И ушла молча.

А сын рос красивым мальчиком, в отца.

2

Басаргин прилетел из Парижа рано утром на самолете, следующем до Пекина с посадками в Москве и в Иркутске. Вообще-то он собирался прилететь еще вчера во второй половине дня прямым рейсом, но задержался самолет от Лиона до Парижа, пришлось менять билет и добираться домой ближайшим рейсом, чтобы не ночевать во французской столице. Задержка Александра не сильно расстроила, потому что выдалось время и в Париж съездить, и не слишком домой опоздать. От аэропорта Орли до Парижа на такси – полтора часа быстрой езды. Ну, может быть, чуть-чуть побольше. Таксист попался толковый, разговаривал по-английски лучше, чем сам Александр по-французски, и они нашли общий язык. По крайней мере понимали друг друга.

Конечно, жалко, что ехать во Францию пришлось одному, без Александры, которая рвалась туда несравненно больше, чем он, но вызов был срочным, сборы заняли только три часа, и жена за это время не могла никуда пристроить сыновей-близнецов, чтобы составить мужу компанию. Их только два дня назад привезла бабушка, категорично и обиженно отказавшись от продолжения совместного летнего отдыха. Устроили ей сорванцы на дачном чердаке взрыв, которым снесло половину крыши. Как только сами остались живы! Как только дачу не спалили!

– Я хотела бы еще хоть немножко пожить... Без террористов в доме... – выразила бабушка скромное желание и вечером же уехала, обиженная, оставив «террористов» на попечение родителей.

Александра расстроилась, хотя по сыновьям соскучилась. Александр ее утешил только тем, что обещал привезти фотографии, если будет время сфотографироваться. Предполагал сразу, что график поездки, из-за срочных дел дома, предельно жесткий. Но неожиданно повезло с опозданием самолета, и в итоге он успел и на Монмартр съездить, и к Эйфелевой

башне, и даже посмотрел на кафе «Ротонду», хотя попить кофе там времени не хватило. И везде сфотографировался. Пусть Александра хоть фотографии посмотрит. А вместе – уж в следующий раз.

И все же слишком мимолетно встретился он с Францией, не ощутил ее как следует. Все второпях... Когда добрался до Лиона, в штаб-квартире Интерпола его сразу засадили за дело, из-за которого и вызвали. Это комиссар Костромин постарался – такую рекламу сделал аналитическим способностям руководителя русского бюро своего подсектора, ярко проявившимся во время операции по поиску «тибетца», сильнодействующего наркотического вещества – мечты террористов. И в сложнейшей ситуации, когда оборваны многие нити важного дела, а факты не помогают выстроить версию, Басаргина пригласили, как последнюю надежду, чтобы он дал аналитическое заключение. Он это заключение дал, хотя в первый момент, когда переводчик, запершись с Басаргиным на несколько часов в кабинете, втолковывал ему содержание всех собранных материалов следствия, подумалось, что с этим ворохом фактов справиться невозможно. Даже слегка паническое состояние было. Вызвали его из Москвы. А он ничего не может сказать. Зачем вызвали? Опер он и есть опер... Ему гоняться за преступниками надо – погони, стрельба, собирание улик. А остальное все для высоких умов. Опозорился, короче... И именно это ощущение, стремление доказать собственные способности и правильность выбора Костромина, заставило собраться с мыслями, ухватиться за нить, подойти к делу не так, как штатные аналитики Интерпола. Он пошел от обратного, от парадокса. И сделал вывод, от которого у многих глаза на лоб полезли. Но первая же телефонная проверка дала положительный результат, который поставил следствие на рельсы. Самого Александра почему-то не поздравляли. Поздравляли Костромина, которому удалось заполучить такого ценного сотрудника.

А Александра тут же отправили домой. Костромин лично проводил его в аэропорт и посадил на самолет, вылетевший из Лиона с опозданием.

– Александре поклон нижайший... Ее портрет всем моим понравился необыкновенно. Так и скажи. Когда творчество художника оценивается дома, это одно. А когда оно оценивается во Франции, это другое!

Все-таки Стас стал больше французом... Сам Басаргин предпочел оставаться русским.

А Александре, насколько он понимал, оценка французам дорога...

* * *

Встретить его в Шереметьево-2 приехал Андрей Тобако на своем неизменном «БМВ» с двигателем, собранным по спецзаказу Интерпола. В способности машины километры просто заглатывать Басаргин имел возможность убедиться, когда гнали по Пятницкому шоссе, чтобы выручить Доктора Смерть, а «КамАЗ» с бойцами «Альфы» отставал безнадежно, хотя «КамАЗ» тоже машина скоростная и простой легковушке уступать не спешит¹.

– Ремонт закончили? – поздоровавшись, спросил Александр и сел на заднее сиденье.

– Закончили в день твоего отлета. И офис, и квартиру. Вчера уже завезли мебель и оргтехнику.

Негласный офис и квартиру через стену от него в районе, где никто не знает Басаргина как бывшего офицера ФСБ, решено было приобрести по настоянию комиссара Костромина.

– Молодцы. Мои переехали?

– Тоже вчера. Будь готов вернуться домой и сразу приступить к работе.

– Всегда готов, – не очень бодро отрапортовал Александр. – Есть что-то новое?

– Есть. Приедем, посмотришь сам.

¹ Эпизод из романа «Тройная зачистка».

– Хорошо. Меня никто не разыскивал?

– Не просто разыскивал, а по-настоящему домогался полковник Баранов. Не понимал, почему твой «сотовик» не отвечает.

– У него, кажется, какой-то юбилей предстоит...

– Я думаю, что не по этому поводу. Он по делам.

– Основания так думать?..

– Баранов сделал то, что он делать права не имел. Дал мой телефон моим бывшим сослуживцам, – Тобако сказал это недовольно. Словно Александр виноват в том, что бывший его начальник поступил так опрометчиво. Но, зная полковника Баранова, Александр понимал, что без острой необходимости полковник так никогда не поступит.

– «Альфе»?

– Да. Потом и они меня донимали, интересовались, когда ты вернешься. Естественно, я сказал, что не знаю. Требовали новый номер твоего «сотовика». Я сказал, что это закрытая информация. Зная, что я твой сотрудник, со мной бывшие сослуживцы поделиться информацией не захотели, из чего я делаю вывод, что дело не в привлечении нас к какому-то определенному мероприятию, а персонально в твоей личности.

– Когда это было?

– Баранов начал искать вчера утром. Мои сослуживцы после обеда.

Басаргин взглянул на часы. Половина седьмого. Нормальные люди еще только просыпаются.

И тут же зазвонил «сотовик» у Тобако.

– Это Александра, – сказал Андрей, не глядя на определитель номера и протягивая трубку Александру.

– Это Баранов или твои сослуживцы, – предположил Басаргин и трубку взял. Он на определитель посмотрел. – Что я говорил...

– Слушаю вас, товарищ полковник, – ответил.

– С приездом, Шурик. Мне уже доложили, что ты благополучно приземлился.

– Спасибо, Сергей Иванович. Хотя не скажу, что меня откровенно радует всенародная популярность.

– Какая популярность? – не понял Баранов.

– Едва я ступаю на московский асфальт, меня узнают и капают на меня в ФСБ. И даже в такое раннее время. Разве это не популярность?

– На тебя запрос делали... Короче, ситуация такая. Меня просто за грудки берут, требуют немедленно тебя предоставить.

– Кто?

– И из «Альфы», и даже директор вчера позвонил. Уже ночью. Просил тебя с «Альфой» связать. Как будто и верить не захотел, что тебя в Москве нет и что с тобой связи нет.

– Что им надо? – Андрей не стал рассказывать, что по настоятельной, похожей на приказ, просьбе Костромина отключил свой телефон сразу по прилете во Францию. Вопросы конспирации комиссар воспринимал с трепетом и очень любил о них напоминать. И он словно в воду смотрел – оказывается, понадобился Басаргин кому-то...

– Они разве говорят, что им надо.

– Сообщите, что я прибыл, пусть звонят после девяти. Я буду на месте. Запомните мой номер...

Баранов запомнит. У него память не предпенсионная, хотя сам он в неполные пятьдесят лет уже о пенсии часто поговаривает.

Утренняя солнечная Москва казалась приветливой после равнодушного, ждущего дождей Парижа. Почти пустой в ранние часы Ленинградский проспект позволил Тобако и здесь показать силу двигателя «БМВ». И скоро машина уже свернула во двор.

- Сегодня и тебе следует о машине позаботиться, – подсказал Андрей.
- Уж об этом я постараюсь позаботиться в первую очередь. Если эта первая очередь дойдет... Должность требует передвигаться по возможности быстро.
- А как дела пойдут полным ходом, закажем тебе «коня», как у меня... – Тобако довольно ударил ладонями в руль.

Впрочем, оба они хорошо знали: если дела начинают «идти», как правило, бывает не до того, чтобы заниматься какими-то иными проблемами, кроме самых неотложных.

3

Красный «Рейнглер» Ахмата Текилова слишком приметен и определяет социальный и финансовый статус человека лучше любой визитной карточки. Сейчас это совершенно ни к чему. И потому Ахмат, как делал обычно в таких случаях – а в последнее время это происходило особенно часто, взял «жучку» своей подруги, у которой жил в Москве уже полтора года. Доверенность Людмила сделала ему давно, радуясь возможности самой поехать на джипе и покрасоваться перед подругами и знакомыми. С его, разумеется, доверенностью. После таких обменов Ахмат с усмешкой посматривал на спидометр: накатала километров – будь здоров! – только чтобы ее везде видели. Не иначе Москву по Кольцевой дороге с десятков раз объехала. Но ему «жучка» сподручнее. Машина не слишком ходкая, да в сегодняшнем деле и не нужна особая быстрота. Бывший опер ингушского республиканского уголовного розыска хорошо знает, когда следует показать себя, а когда лучше быть неприметным.

Еще ему надо продемонстрировать, что его машина не из Москвы приехала, а в Москву добирается. И потому пришлось встать пораньше, еще затемно, и сделать большой круг, нахватать в сухую погоду на корпус и колеса побольше грязи. Только после этого он и въехал в нужный знакомый поселок в тридцати километрах от Москвы. И остановился около моста на берегу речки, чтобы машину на глазах у всех помыть. Неудобно после дальней дороги въезжать в столицу на грязном транспорте. Любой мент может придраться.

Он не очень торопился и не бросал при этом взгляды на противоположный берег, где спускались к реке зеленые огороды. Ему и не нужно взгляды бросать, потому что он и так знал – внимание на машину, которая скоро проследует в сторону Москвы, обратят, как и на внешний вид человека из этой машины. Никто не будет сомневаться, что это представитель кавказских народов. Они обычно друг другу помогают, по мере сил выручают в трудных ситуациях. И хватит у наблюдателей времени обдумать свое поведение...

Закончив работу, Ахмат сам сполоснулся по пояс в прохладной утренней воде – сон разогнал после бессонной ночи. И сел за руль. Теперь – пора... Нельзя людей заставлять долго ждать. Вдруг дурная какая-то машина выскочит и опередит его, заберет попутчиков. И мало тогда поможет национальность. Если только не помешает... Впрочем, любой водитель в данном случае будет проявлять корыстный интерес. Земляк же имеет естественное право этим интересом пренебречь.

Как он и предполагал, начиная эту провокацию, сразу за мостом его уже ждали двое – мужчина и женщина. Мужчина лет тридцати, одет буднично и неопрятно. Женщина моложе, но это видно только по той части лица, которую можно рассмотреть, – черный платок опущен до самых глаз, по-вдовьи. Мужчина поднял руку. Ахмат остановился, потянулся и открыл стекло.

- В Москву? – Лицо не брито уже несколько дней. Глаза красные, усталые.
- В Москву.
- Не подбросишь, земляк?
- О чем разговор. Садись...
- Только... у нас денег нет.

– Что ж так... – Ахмат на несколько секунд задумался, словно посомневался. Имидж случайного встречного, желающего подзаработать, следует поддерживать. – Ладно. Садись... Все одно, по пути...

Дорога в этих местах старая и разбитая, местами виднеются остатки асфальта, но в основном грунтовка. Деревни и поселки полузаброшенные. Только иногда среди развалившихся домишек вдруг возникают откуда-то солидные двух- и трехэтажные коттеджи за кирпичными сплошными заборами.

Текилов просчитал ситуацию правильно, подъехал к определенному часу и посадил пассажиров вовремя. В чем и убедился уже через сорок минут, когда навстречу попался большой черный джип «Тойота Ленд-Крузер» со знакомым номером. И опять Текилов оказался прав, поменяв машину. Его красный «Рейнглера» бросился бы сразу в глаза и был бы, несомненно, узнан. Пассажиры, молчаливые и слегка испуганные, заметили этот джип тоже. Они могут и не знать номер, они просто от любой солидной машины прячутся. Незадолго до этого навстречу «Гранд Чероки» попался – тоже испугались, вжались в сиденья. И если бы он не подумал о возможной встрече с «Тойотой» и приехал сюда на своем «Рейнглере», они ни за что в машину не сели бы. Побоялись бы... «Жучка» для них – хоть маленькая, но гарантия безопасности. Сильные мира сего не ездят на «жучках». А мужчина с женщиной прячутся именно от таких людей.

Эти пассажиры не из весельчаков-попутчиков, которые сокращают дорогу болтовней, сам Текилов тоже не слишком разговорчивый, и потому ехали большей частью молча. Только уже на хорошей шоссейке, когда выбрались в места обжитые, пассажиры, кажется, повеселели. Поверили, что имеют все шансы уйти от погони. Эту погоню Текилов предвидел, потому что то ли с утра, то ли вообще от рождения пьяный старик из соседнего дома наблюдал, оперевшись локтем о высокий палисад под окнами, как садятся в машину люди, что жили несколько дней рядом с ним. Номер машины он едва ли запомнил. Но описать неказистую «жучку» сможет. Те, что приедут на большом джипе, обязательно «потрясут» соседей – кто что видел. И им расскажут о небольшом опоздании, до того небольшом, что оно не может не выглядеть обидным. Джип, конечно, ринется в погоню, но погоня хороша только тогда, когда о ней не знают люди, от нее убегающие.

А Текилов знает. И потому свернул на Кольцевую дорогу, вместо того чтобы ехать прямо в Москву.

Пассажиров такой маневр слегка смутил – зашевелились на заднем сиденье. Для них сейчас одно важно: чем дальше, тем лучше. По наивности они думают, что по прямой можно уехать дальше. Может, и так. Но только на хорошей машине. «Жучке», случись гонка, не уйти.

– Мы куда, земляк? – спросил небритый мужчина с легким беспокойством.

– А-а... – сказал Текилов. – Там дальше дорогу ремонтируют. Половину полотна перекрыли. Дырку маленькую оставили, как горлышко в бутылке. Час в пробке прстоишь... С другой стороны въедем. А куда вам в Москве-то?

– В Сокольники.

– Ну и хорошо. Тогда я вообще правильно поехал. Так ближе будет и быстрее... Чем по Москве крутиться... В Москве сейчас все на работу добираются. Пробки кругом. А я хотя и горный человек, все же не орел. Сами-то откуда будете?

– Из Урус-Мартановского района.

– Ай-я!.. – воскликнул Ахмат. – Почти рядом жили!.. Я из Назрани. Меня Ахмат зовут.

– Я Ширвани. А это Нури, моя сестра...

– Надо же! – удивился Ахмат. – Почти всю дорогу проехали, только и узнали, что в самом деле почти земляки... От Назрани до вас два часа езды – рукой подать... В Москве из конца в конец в «час пик» пробраться – на целый час больше...

Он даже поехал веселее. Скорость добавил и музыку включил.

- А в деревне как оказались? Работали, что ли?
 - В поселке... Поселок там... – Ответ в надежде на то, что вопрос не повторится.
 - Какая разница. Все равно деревня...
 - Ага...
 - Работали?
 - Нет. Друг там у меня дом купил. Жили у него. Он в Москву поехал и пропал куда-то.
- А у нас все вещи и деньги у него дома в Москве остались... Не знаем, что и делать?
- Найдется... Мужчины так просто не пропадают.
 - В Москве всякое может быть...
 - Адрес-то знаете?
 - Нет. Только, как искать, помню. От метро «Сокольники»... Через дорогу... Меня к нему привели, а адрес и не сказали. Да я найду...

– О-хо... – вздохнул Ахмат. – А с документами-то у вас в порядке? А то сейчас менты нашего брата на каждом углу останавливают.

Ширвани помрачнел. Представил, должно быть, как их останавливают и проверяют документы. У него вообще представление о проверке документов должно быть чеченское, когда такая проверка приравнивается к «зачистке»: прикладом в лоб, лицом к стене, ноги шире плеч... «Где документы? Сам из кармана не доставай... На стену руки, на стену...»

– И документы тоже у него дома. Все у него. У него свои дела были, не хотел, чтобы мы мешали. Он нас на машину посадил, повез в поселок. Сказал, поживите пару дней. В Москве пока нельзя. Через пару дней приеду, сказал, заберу.

- Не приехал? – Ахмат голосом выразил сочувствие.
- Четыре дня мы просидели. Думаем, беда какая случиться могла...
- А друга как зовут? Может, я его знаю... Мы – земляки – в Москве все почти друг друга

немного знаем...

- Гали Барджоев. Не знаешь?

Беда, как вы правильно подумали, случилась... И не найдете вы больше Гали.

- Нет. Не слышал.

И документы ваши в другом месте сейчас лежат, совсем у других людей. Сначала там были только документы Нури, теперь там же и документы ее брата. И даже документы самого Гали. И вы хорошо этих людей знаете. Но правильно делаете, что не говорите первому встречному о том, что с вами случилось. Люди не любят беглецов. Они за себя боятся, потому и не помогают беглецам, если только у них не возникает в этом необходимости. Гали по-родственному решился помочь, и потому с ним случилась беда...

Ахмат тоже решился помочь, но не из сострадания, а совсем по другой причине.

Он никого не боится. Он сам идет навстречу опасности. Ему необходимо найти некоторых из тех людей, от которых брат с сестрой прячутся. Самого главного из них, и самого опасного...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Добрые слова от людей, которым в жизни несладко, можно услышать чаще, чем от тех, кто в покое живет. И не только словом такие люди помогут неимущему или несчастному. Зарема убедилась в этом на собственном опыте.

А что может быть страшнее той беды, что с ней случилась? Потеряла мужа, сын стал глухонемым, сама постоянно от болей в голове мучается, и рука, где разорвало сухожилия, сохнет, только два пальца на ней работают – большой и мизинец. Можно сказать, что не рабочая рука. Остальные как одеревенели, даже не сгибаются... Даже писать теперь может только с великим трудом. А о серьезной работе и говорить не приходится. С такой рукой и себя не прокормить, как же кормить больного сына. А сын... Гораздо легче самой умереть, не так больно... Не так больно за себя, как за людей любимых...

Но и это, как оказалось, не стало пределом.

Беда к беде, говорят в народе, веревкой, как телок, привязывается. Так и получилось. Целый месяц мрачно и молча смотрел на любимую младшую дочь отец, гладил внука по голове, в глаза ему заглядывал. А потом собрал деньги, какие в доме остались, поехал на базар и купил у нужного человека автомат. Молча и ушел, не сказав матери слова на прощание. Не хотел, чтобы останавливала. Привезли тело отца через два дня... Простреленное в нескольких местах, с задранной кверху бородой.

Плакала над телом мать, рвала седые волосы из головы пучками. Любимая младшая дочь не плакала, молча смотрела. И внук смотрел молча. Он не только говорить, он и плакать разучился. Или просто не понимал, что с дедом произошло.

Не понимал еще, что и деда у него отобрали, как раньше отобрали отца...

* * *

Сколько же можно отнимать у одного маленького несмышленного существа!

Зарема положила изуродованную руку сыну на голову, посмотрела красными глазами в его черные глаза. И не сказала ни слова, потому что он все равно не слышит ее. Но подумала, что она сейчас совершит самое страшное для своего сына дело – отнимет у него и мать.

И полезла в сарай, под самую крышу, где между стропилами, как она видела, спрятал когда-то автомат Адлан. Достала его, взяла в руки, подержала, попробовала, как руки слушаются, но правая рука не могла нажать на курок, как ни пыталась она всунуть в скобу изуродованные пальцы. Тогда она попробовала переменить руки. И убедилась, что может стрелять. Хотела попробовать сначала во дворе, но не решилась.

Время приближалось к обеду. Зарема пошла в дом к матери, там вымыла мальчику ноги и уложила спать. Потом вернулась домой, завернула автомат в одеяло и пошла с ним в сторону дороги. Там она села на пригорке, свесив ноги в заросший колючей травой придорожный кювет, и стала ждать машину. Машины проходили здесь часто, почти каждый час. Но ей нужна была только военная машина с русскими солдатами. И потому несколько машин она пропустила, не зная, кто в них едет. Машины были гражданскими.

Зеленый «уазик» она увидела издали. Это еще лучше. На таких, как она видела, офицеры ездят. Взгляд упорно впился в подпрыгивающую на кочках машину, и только резь в глазах заставляла ее иногда мигать.

Машина приблизилась. Зарема с хладнокровием, какого не ожидала от себя, и с решительностью чисто мужской развернула одеяло. Совсем немного осталось до машины. Она взяла автомат в руки и вышла на дорогу. Спрятала оружие за спину и встала. Тяжел для женских рук автомат, руки едва держали его так, чтобы не показать раньше времени. А «уазик» приближался. Там уже увидели стоящую посреди дороги Зарему, стали тормозить. Пять метров осталось. Остановилась машина, хлопнули дверцы, и в этот момент она перекинула автомат и нажала на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Она давила со всех сил, видела, как стали прятаться за машину люди, вышедшие из нее. А она давила и давила, но выстрела все равно не было.

И тогда она просто бросила автомат себе под ноги. И голову опустила.

Военные подошли к ней.

– Шалава такая!.. С-сука!.. – заорал водитель и замахнулся прикладом.

Второй, с пистолетом в руках, спокойно остановил его.

– Она предохранитель не сняла. Не умеет стрелять.

Зарема поняла, что она что-то не так сделала, потому и не прозвучало очереди. Потому и не смогла она отомстить за себя, за мужа, за отца, за сына... Она очень жалела, что не так сделала, но в то же время в душе шевельнулась благодарность к офицеру с пистолетом, которого она только что хотела убить. Она даже и сейчас могла бы это сделать, но все же...

– Пошли в машину... – сказал офицер строго.

Солдат-водитель подтолкнул ее стволом автомата под ребра. Больно...

* * *

Ее привезли в Шали, в комендатуру. Помощник коменданта объяснял, что у него все камеры мужиками переполнены, боевиками, которые в лесу жили и женского тела месяцами не видели. Нельзя к ним женщину сажать. На клочки разорвут, а обвинят в этом опять русских.

Но они договорились. Посадили ее пока в какую-то комнату на втором этаже, где окна с решетками. Самой Зареме было все равно, что с ней будет дальше. Хотелось только, чтобы не тревожили. Она положила на колени руки и смотрела в пол пустым, потухшим взглядом. И даже иногда закрывала глаза, словно полудремала, ко всему вокруг безучастная.

Через час за ней пришли.

– На выход, – и взяли под локоть. – Пошевеливайся, стерва, ноги быстрее переставляй!

Опять посадили, безмолвную, в машину. Теперь ехали всего-то три минуты. Другое здание. Поднялись на второй этаж. Ввели в кабинет.

– Садитесь.

Она не подняла глаз, но по голосу узнала того человека, что выскочил из машины с пистолетом. Она убить его хотела. Теперь он, наверное, захочет ее убить, хотя там, на дороге, не позволил водителю даже ударить. У них, у русских, есть свои методы убийства. Они это законом называют и думают, что от этого суть изменится. Но убийство все равно убийством останется. Пусть убивают... Только бы не мучили... Скорее бы... И все кончится... Сил к сопротивлению не осталось, а главное, что не осталось никакого желания сопротивляться. Возникло только обидное сожаление, что не спросила ни у кого в деревне, как автоматом пользоваться.

– Я оперуполномоченный федеральной службы безопасности. Моя фамилия Басаргин. Зовут меня Александр Игоревич. Как вас зовут?

В дверь постучали.

– Разрешите, товарищ капитан?

Зарема вздрогнула и подняла глаза.

Его только здесь и не хватало!

Хотя как же без него... Ее же рядом с селом арестовали. Значит, догадались, откуда она на дорогу вышла. Вот и вызвали Зураба. Бывший ее одноклассник, несостоявшийся назойливый жених... Как он рад, наверное, сейчас, что погиб Адлан, что такая беда случилась с сыном Адлана, что она теперь здесь.

Еще один мучитель. Многолетний... Как избегала она встреч с ним в последние годы... А вот не смогла полностью избежать. Свиделись, да еще в такой обстановке.

– Что вы хотите?

– Я участковый, товарищ капитан. Ее село, – кивок в сторону Заремы, – на моем участке. Меня вызвали по вашему приказу.

– Понятно. Садитесь и вы. Будем вместе думать, что с задержанной делать.

Зураб не сел, только руки положил на спинку стула.

– Товарищ капитан! Я прошу меня предварительно выслушать. Прежде, чем что-то решать. Это не простое дело... Здесь нельзя по общим меркам. От отчаяния она...

Эти слова прозвучали взволнованно, сбивчиво. Зураб, как ни странно, защищал ее. Это Зарема поняла. И даже странной такая защита показалась. Зураба Хошиева вся деревня ненавидела, и Зарема вместе со всеми, хотя в школе они очень дружили и считались будущими женихом и невестой. Так бы и случилось, если бы не Адлан.

А Зураб... Может быть, из-за этого тогда и уехал. Долго где-то пропадал. Потом вернулся уже милиционером. Вместе с русскими вернулся. И он, казалось, всех ненавидел. Именно он приводил солдат, когда проводилась очередная «зачистка». И в ее дом солдат приводил. И смотрел при этом на отказавшую ему невесту с насмешкой, потому что сила была на его стороне. Да, ее он должен ненавидеть особо, как ненавидел Адлана, и сам говорил ему это, обещая поймать и застрелить, еще до того, как бородатые люди пришли за мужем Заремы и он ушел с ними в горный лес. Тогда еще и причины не было Адлана ловить, но Зураб все равно его подозревал.

Что же он сейчас делает, почему сейчас защищает?

– У нее очень непростая ситуация. Столько бед сразу свалилось. Как тут не быть отчаянию!

– Я могу догадаться, что она действовала не с большой радости, – сказал капитан Басаргин. – Что у нее случилось?

– Сначала муж погиб. Они в одной машине были. Машину гранатометом накрыли. Ее тоже ранило. Сын калек остался. А на днях отца убили... Она сама тихая. От отчаяния это. Она же и автомат раньше в руках не держала.

– Это я понял, – сказал капитан. – За смертью на дорогу пошла. За своей и за чужой одновременно. Неужели вам было все равно, кого убивать? Ведь не все же люди виноваты в ваших бедах!

Зарема поняла, что спрашивают ее. И подняла глаза, желая сказать что-то дерзкое.

Но посмотрела на этого капитана и ничего не ответила.

Когда на тебя без зла смотрят, тоже не хочется зло говорить...

2

И офис, и новую квартиру Александр видел только до ремонта. Голые стены запущенных грязных помещений не вдохновляли. Но Тобако вел его в новый дом, словно обещал подарок. Подарок действительно состоялся. Сразу. Небольшой коридор, общий для двух помещений, преобразился и приобрел вполне приличный вид.

Новое жилье встретило тишиной. Близнецы благополучно спали, как и положено десятилетним мальчишкам – с трудом ложиться вечером и с еще большим трудом вставать утром. К тому же вчерашний день они посвятили благоустройству на новом месте, помогали матери

и основательно устали. Александра усталости умеет сопротивляться, поднялась рано, вышла встретить, только услышав шевеление ключа во внешней двери. Но говорить старалась вполголоса, чтобы мальчишек не разбудить. Стала показывать мужу квартиру. И даже легкое хвастовство в ее голосе проскальзывало, словно это она виновница торжества. Он только улыбался и кивал, не совсем еще осознавая, что теперь жить им предстоит здесь. Комнату близнецов осмотрели с порога, чтобы не будить спящих. Сама же Александра вела себя так, словно со вчерашнего вечера уже полностью здесь освоилась – хозяйка. Она еще вчера битком набила холодильник, а сегодня уже и завтрак приготовила для мужа и для Андрея, точно рассчитав время приезда.

– Баранов во сколько звонил? – спросил Андрей, сев за стол.

– У тебя что, в кармане прослушивающее устройство завалялось? – удивилась она с улыбкой. – Почти перед твоим приземлением.

* * *

После завтрака Басаргин опять заглянул в комнату к спящим близнецам, положил рядом с кроватями подарки из Франции и сразу ушел в офис. Из квартирной двери три шага – и дверь направо. Металлическая, усиленная, как и входная в коридор, как и квартирная – даже замки похожи, хотя ключи разные. Удобно, что ни говори. Даже тем удобно, что тебя никто не будет караулить по дороге на работу, желая подстрелить, как было недавно в старом доме.

Все это еще казалось нереальным, происходящим с кем-то другим. Так отличалась служба в Интерполе от предыдущего места службы. И даже, наверное, от службы в НЦБ², которое имеет официальный открытый статус. У российского бюро сектора «G» статус почти нелегальный, хотя и утвержденный президентской визой. В соответствии с этим определенные удобства и неудобства.

Тобако уже уселся за компьютер, входя в дела почти с разбегу.

– Тебе следует в первую очередь освоить оргтехнику и все программы. Я вчера день потратил, программы ставил и настраивал. Запомни, что сейфов для архивных документов у нас как таковых, не будет. Только сейф для оружия и текущих необходимых бумаг. Бумаги после отработки уничтожаются. Весь же архив шифруется и хранится на сайте Интерпола. Там у тебя собственный «сейф» с собственным «ключом». Хотя не забывай, что контролирующие службы в Лионе имеют к твоему «сейфу» доступ и всегда имеют возможность тебя проконтролировать. И будут контролировать постоянно и тщательно. Все, что касается России, интересует по-прежнему многих. Ты меня понимаешь, бывший сотрудник ФСБ?

– Я тебя понимаю и принимаю твое предупреждение. Что касается сейфа, то мне уже, кстати, Костромин «ключ» вручил... Тринадцать цифр. Трудно запомнить.

– Тогда садись и проверяй, нет ли тебе корреспонденции.

– Уже может быть корреспонденция?

– Это обязательный утренний ритуал. Он должен стать более привычным, чем умывание. Если корреспонденция идет с категорией «срочно», тебе поступает сообщение на пейджер.

– У меня, кстати, нет пейджера. Костромин советовал купить.

Андрей достал из стола пейджер.

– Уже есть. Вчера Александра позаботилась. Теперь слушай дальше. На выход в сеть у нас выделенная асинхронная линия. Никаких проблем возникнуть не может. Ящиков электронной почты должно быть несколько – для разных категорий корреспондентов. Скоро прилетит Доктор Смерть, скорее всего, с утренним самолетом, он тебя научит вскрывать чужие сети. Это

² НЦБ – Национальное центральное бюро Интерпола, создано Постановлением Правительства РФ от 14 октября 1996 года.

тонкая работа. Я кое-что умею, но с Доктором тягаться не берусь. Доктор сам постоянно читает файлы своего областного управления ФСБ. И даже коллекционирует данные из досье на себя.

Александр хмыкнул.

– На себя данные я пока раздобыть не сумел. Но у меня лежат четыре диска... Там полная база данных по диаспорам Москвы и Подмосковья и по некоторым проблемным диаспорам России.

– Откуда у тебя это?

– Костромин объяснил мне, с чем придется работать в том числе. И я позаботился о собственной информированности, прежде чем сдать все дела.

– Похвально. Ты собираешься и эту базу данных хранить в интерполовском сейфе? – Во взгляде Андрея засветился неподдельный и даже слегка ехидный интерес.

– Нет, – категорично сказал Басаргин. – Российские данные я предпочитаю хранить в России.

– Тебя, я вижу, не надо учить, – усмехнулся Тобако. – Точно так же делаем и мы с Доктором. Как ни суди, а Интерпол – не самая подверженная влиянию нашей страны организация. Но подверженная влиянию других сил, которым все открывать не следует. Мы все – российские офицеры, хотя и отставные, и присягали только России. У нас нет гарантии, что кто-то из Интерпола не передаст твои файлы по диаспорам в МИ-6³ или в ЦРУ. И любому иностранному разведчику будет легче опираться на какие-то известные данные, чтобы получить поддержку на нашей территории. Я рад, что ты сам дошел до этого.

– А в прошлой операции... – начал Александр, но договорить ему не дал телефонный звонок.

– Слушаю.

– Капитан Басаргин?

– Уже капитан запаса... Я слушаю вас.

Александр не случайно сделал такое уточнение. По привычке им еще будут пытаться командовать, и он был готов к тому, чтобы отстоять свою независимость от российских спецслужб, вопреки тому, о чем они только что говорили с Тобако. В этом сложность новой работы – остаться своим со своими и в то же время превратиться в хорошего международного полицейского.

– Генерал Астахов вас беспокоит, – поправка не смутила генерала из штаба «Альфы».

– Здравия желаю, товарищ генерал. Мне сообщили, что вы меня разыскивали, только я просил полковника Баранова, чтобы мне позвонили после девяти. До этого я занят.

Александр опять умышленно заменил привычное уставное «доложили» на «сообщили», чтобы отодвинуться от бывшей службы и показать свою независимость, следовательно, подтвердить возможность не подчиняться чужим приказам, которые по инерции еще могут идти. И даже позволил себе показать недовольство звонком генерала, прозвучавшим раньше времени.

Но и это генерала тронуло мало, из чего Басаргин сразу сделал вывод, что вопрос в самом деле срочный.

– Вам ничего не говорит имя Зураба Хошиева?

– Говорит. Я знаю этого человека еще по первой командировке в Чечню. Встречались и во второй командировке, но он тогда уже не служил в милиции. Последствия ранения, потом еще в дополнение какие-то тейповые неприятности. Смена руководства в республиканской милиции, вы знаете, как это у них бывает, и новые люди вытеснили старых.

– Нам необходимо немедленно с вами встретиться.

Александр недовольно поморщился.

³ Разведслужба Великобритании.

– Я освобожусь через полчаса, товарищ генерал. Закажите на меня пропуск.

– Немедленно!

– В таком случае приезжайте ко мне.

– Это отпадает. Вы нужны именно здесь, чтобы побеседовать с Хошиевым.

– Он задержан?

– Да.

– Вот как?.. Я постараюсь освободиться быстрее. Закажите пропуск.

– У вас разве нет пропуска?

– Уже нет. Я сдал все документы.

Он положил трубку и посмотрел на Андрея.

– По какому поводу понадобился?

– Они задержали моего бывшего осведомителя. Я с ним в Чечне плотно работал. Бывший младший лейтенант милиции, участковый. Потом, после милиции, помогал мне в отдельных вопросах. Зураб Хошиев... Этот Зураб желает, как я понял, говорить исключительно со мной. Только не могу взять в толк, отчего такая торопливость. Я говорю, что освобожусь через полчаса, генерал требует немедленно прибыть.

– Может, привычка генеральская – получать все сразу?

– Сомневаюсь. Астахов не хам. Он себе даже дачу, говорят, собственными руками строил. Тобако усмехнулся важной характеристике.

– Да, странный, должно быть, генерал. Я с ним не знаком. Поезжай. Я пока посмотрю твой «сейф». Не забудь «ключ» к «сейфу» оставить.

Александр продиктовал тринадцать цифр. Первые тройкой, остальные парами. Не потому, что так лучше запоминается, а потому, что между ними следует набирать дефис.

– Я поехал.

– Ты не договорил... Что ты про прошлую операцию хотел спросить?

– Доктор тогда специально звонил тому полковнику из ГРУ, чтобы предупредить о нашем интересе?⁴

Андрей усмехнулся.

– А это ты, аналитик, сам решаешь... И учись у старших товарищей, пусть даже и подчиненных тебе.

Басаргин достал из сейфа пистолет, проверил обойму, дослал патрон в патронник, щелкнул предохранителем и убрал оружие в подмышечную кобуру.

– Это правильно. Теперь оружие следует всегда при себе держать, – поддержал его Тобако и показал свою кобуру, распахнув полу пиджака.

3

– Давай, земляк, будем искать... Вот твоя станция метро. – Ахмат свернул к бордюру и остановился, не выключая двигатель. – Куда дальше прикажешь? Вспоминай, вспоминай...

Ему всегда нравилось управлять людьми так, чтобы они об этом не догадывались. В этом была некая таинственная, не всем доступная сила. И сейчас он управлял братом с сестрой именно так. Они не осознавали, что он управляет ими, и потому были перед ним слабы. Но побеждает только сильный. А Ахмат настроен на победу. Он и сам отлично знает, куда ехать дальше. Но нельзя это показывать, иначе вся его задумка провалится.

Нури голову не подняла. Она и не помнит. Не в том была, надо полагать, состоянии, когда Ширвани привел ее сюда.

Ее брат осмотрелся.

⁴ Эпизод из романа «Тройная зачистка».

– Мы с другой стороны из метро выходили. Сейчас... Сейчас... А потом... Туда... – уверенно рукой показал. Ахмат отметил, что для деревенщины Ширвани хорошо ориентируется в городе. И зря, может быть, его считают недоумком. Может быть, он такой, как у русских в сказках – Иванушка-дурачок... Тогда с ним надо быть осторожнее. Впрочем, будь Ширвани с хитрецей человек, он не оставил бы свои документы у Гали Барджоева. Но присмотреться к нему стоит, и осторожность соблюдать тоже стоит.

Текилову пришлось развернуться, чтобы проехать в указанном направлении. И вздох изобразить. Встал он на этой стороне тоже исключительно для того, чтобы непонятно было, что он знает обстановку. Получилось все естественно. Естественным выглядело и его недовольство. Они и так надолго задержались, пробираясь через утреннюю Москву. Поток машин, направляющихся в столицу, всегда бывает утром гораздо большим, чем встречный. И машина вынуждена была подолгу простаивать в пробках. Но до метро все же добрались.

– Теперь туда...

Ахмат свернул на боковую улицу, проехал между двух домов и чуть не выдал себя, объезжая внешне неглубокую лужу. Под поверхностью воды скрыта большая выбоина, и знать о существовании выбоины может только человек, часто здесь проезжающий. Но Ширвани, похоже, сам про выбоину не знает. Или просто не обратил внимания на такую мелочь. Он на многое внимания не обращает, слишком на многое, потому, наверное, и оказался в таком положении. И все опасения Ахмата напрасны.

– Теперь направо, вот-вот, туда вон – прямо, и вдоль домов...

Ахмат проехал, куда показал пассажир. И сразу отметил, что Ширвани приезжал сюда в прошлый раз не на машине, а шел пешком, разглядывая номера корпусов и номера квартир на подъездах. Для автомобильного транспорта, как он хорошо знал, специальный путь шел чуть в стороне, но прямой, где не следовало тормозить у каждого подъезда из опасения, что из кустов кто-то торопливый выскочит под колеса.

Но он поехал именно по указанному пути, опять чтобы не вызвать подозрений.

Здесь, в этой квартире, никто уже не может дожидаться Ширвани и Нури. Текилов точно знает адрес, который назвал вчера избитый до полусмерти Гали Барджоев. Совсем другой адрес. Там он зарегистрирован, там у него жена и два сына живут, но сам он там появляется не всегда. А эта квартира принадлежит кому-то другому, кажется, старшему брату Гали, который уехал в Москву гораздо раньше, обосновался, но, по слухам, из-за разногласий с законом находится сейчас где-то за границей. За границей сейчас много чеченцев неплохо устроились. Там рэкет приносит больше прибыли, чем здесь рэкет и бизнес, вместе взятые. Правда, там и попасться на этом опаснее. Немецких полицейских купить сложнее, чем наших ментов, а на немецких, скажем, судей надавить вообще никогда не удастся.

Гали пользовался этой квартирой для собственного удовольствия. То есть проводил здесь основное свое время, потому что больше всего на свете он любил удовольствия. И к нему, по ненавязчивой подсказке Ахмата, переданной через третьи уста в нужные уши, обратился за помощью Ширвани. Отказать, хотя знал, с кем связывается и против чего выступает, Гали не мог. Его достоинство этого не позволяло. Натура не очень умная, но очень довольная собой. Кроме того, родственные отношения приказали поступить таким образом...

– А если его дома нет? Что делать будете? – спросил Ахмат.

– Не знаю. Совсем не знаю... Все деньги там... Все документы...

Сестра молчала, опустив глаза, и в зеркало заднего вида можно было рассмотреть только ее подбородок. Ахмат обратил внимание, что подбородок подрагивает. Должно быть, Нури с трудом сдерживается, чтобы не заплакать.

Для простого человека, попавшего в их положение, выбор представляется естественным. Это для таких беглецов он страшен. Но подсказать следует именно это, потому что они не

сказали Ахмату, что беглецы, гонимые, и прячутся. И не рискнут сказать, потому что последует резонный вопрос – почему они прячутся?

– Надо родню искать. Помогут, – подсказал Текилов. – Есть в Москве кто-то из вашего тейпа?

– Как не быть. Помогут. Только где искать?

– Чеченцев здесь много... Поспрашивать, всегда найти можно.

– Да-да, буду искать... Помогут...

Ширвани упорно цеплялся за каждую подсказку, лишь бы не рассказывать, что случилось. Страшно рассказывать. Побоятся люди связываться с той силой, против которой он выступил, желанию которой воспротивился. И сам он боится...

– Вот этот подъезд. Спасибо, земляк, – он протянул руку для пожатия. – Выручил ты нас...

Ахмат руку пожал, убедился, что рука сильная, натруженная и не дрожит, но сказал:

– Не торопись прощаться. Вдруг не застанете дома. Я подожду. Если что, подумаем вместе, как быть.

Земляки должны помогать друг другу. Все естественно.

Ширвани помог сестре выйти из машины. Поддержал ее под локоть. Только сейчас, когда они пошли, Ахмат обратил внимание на походку женщины. Очень характерная походка. Даже длинная черная юбка не скрывает: ноги работают как бы совершенно по отдельности от всего тела. Тело спокойно, руки спокойны, а ноги неуклюжие, непослушные, то не сгибаются, то, наоборот, подгибаются. Ахмат знает, отчего происходит подобное. Наверное, женщине пару месяцев наркотики кололи. Она уже больна серьезно. Впрочем, ее здоровье никого и не заботило. Подготовка в батальоне «черных вдов» длится всего два месяца. За пару месяцев, ставя по дозе один раз в день, надо затратить по две тысячи долларов на человека. Две тысячи долларов – вот цена готового террориста-смертника. Ну, можно прибавить еще тысячу или даже две на накладные расходы, включающие взрывное устройство, переезды, наем жилья в Москве, а еще лучше в Подмосковье. Дешево обходится Басаеву его батальон.

Ширвани и Нури долго и тщетно стояли у подъездной двери, раз за разом отправляя вызов по домофону, словно кто-то там, наверху, не желает их пускать, и они не понимали, почему это происходит. Наконец какой-то мальчишка вышел, и они смогли войти.

Очевидно, и в квартиру они звонили тоже долго и настойчиво. И вышли на улицу растерянные. Ахмату стало даже жалко их, но сказать правду он не смог. Просто потому, что не доверяет. Таких людей он знает хорошо. Они могут себе позволить неповиновение во имя спасения, потому что не желают быть просто овцами для заклания. Но они никогда не решатся на активное сопротивление во имя того же. Побоятся мести, которая будет распространяться на родителей и на родных. Гали спас их, и потому погиб сам. Но и это им знать не надо до поры до времени, потому что они могут испугаться и постараются сбежать и от него, от Ахмата. А для него это пока единственная верная нить, за которую следует тянуть, чтобы раскрутить дело до конца и добиться своего – найти Умара.

– Нет? Не застали? – спросил он, когда Ширвани с сестрой подошли к машине.

Тяжелый вздох откровенно расстроенных людей прозвучал в ответ. Это оказалось первым проявлением какой-то реакции со стороны сестры. Значит, она еще не совсем разучилась чувствовать и соображать, как того добиваются от «черных вдов» их командиры.

– Нет.

– Может, он на работе?

– Он не работает.

Вот это неправда. Гали официально считается владельцем хлебобулочного комбината, числится там генеральным директором, за что и зарплату регулярно получает, и время от времени даже занимается делами. Если есть настроение... Занимался то есть, если было настрое-

ние... Но оно у него было не всегда. Больше, чем работать, он любил развлекаться. И говорил, что у него аллергия на запах ванили, потому и не может подолгу сидеть в своем директорском кабинете. А на комбинате «правит бал» исполнительный директор – его двоюродный брат.

– Что делать думаете?

Они переглядываются. Растерянные.

– Не знаю, как и быть... – отвечает, как и положено мужчине, Ширвани.

Текилов старательно сделал вид, что задумался.

– Ладно, – решил он наконец. – Садитесь. Поехали.

– Куда? – впервые за целое утро знакомства подала голос Нури. Голос у нее совсем детский, высокий.

– Я живу у знакомой женщины. Но у меня есть собственная маленькая квартирка. Могу вас пока там поместить.

Маленькая квартирка из трех комнат в старом доме почти в центре Москвы. Но она скромно называется именно так, потому что ее нельзя сравнить с трехэтажным особняком отца Ахмата в Назрани. Отец почти всю свою жизнь имел интерес к золотодобыче в Якутии, не потерял этот интерес и сейчас – получает какие-то проценты с приисков и от бригад старателей, работу которых финансирует. Такой интерес позволяет ему жить неплохо. Он даже помог сыну открыть несколько ювелирных магазинов в Москве, не влезая в долги.

Единственный долг, который бременем повис на Ахмате, он ощущает только сам, почти никому о нем здесь не говоря, но вернуть собирается сполна...

Долг «кровника»...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Привычные длинные коридоры, с которыми так недавно расстался, встретили Басаргина приветливо. Словно специально навстречу попадались один за другим хорошие знакомые, которые желали поговорить, расспросить, и Александру стоило большого труда не останавливаться, чтобы не застрять надолго. Он даже в кабинет к полковнику Баранову не зашел, а сразу направился в крыло, занятое управлением по борьбе с терроризмом.

Там опять пришлось показывать пропуск. В управлении свой дежурный, слава богу, что нет своего бюро пропусков. Дежурный и показал дверь кабинета генерала Астахова.

Александр постучал, дождался приглашения и вошел. Генерал – человек в возрасте Андрея Тобако, еще подтянутый, хотя и слегка напряженный. Взгляд прямой и внимательный.

– Здравия желаю, товарищ генерал. Басаргин моя фамилия, – представился Александр и протянул руку, подчеркивая этим опять свою независимость. Более того, поставив себя поведением в равные с генералом права.

Астахов руку пожал и на поведение капитана запаса внимания не обратил.

– Вас как звать-величать?

– Александр Игоревич.

– Я – Владимир Васильевич. Рад знакомству. Судя по всему, встречаться нам доведется часто. Чаше, чем с сотрудниками НЦБ, которые больше бумажными делами занимаются. Ваше подразделение, насколько я понимаю ситуацию, специализируется на аналогичных с нами задачах.

– Да, – коротко ответил Басаргин, не углубляясь в тему деятельности своего подразделения, но и не делая из нее глобального секрета, потому что директор ФСБ наверняка уже поставил «Альфу» в известность о появлении в России параллельной структуры Интерпола.

– Дело у нас вот какое... Вы, должно быть, в курсе, что все поезда, следующие в Москву с юга, контролируются.

– Я могу это только предполагать. Дело естественное и даже необходимое.

– Вот и хорошо. Сутки назад шел поезд из Волгограда... Одно из самых опасных, кстати, направлений. Террористы считают, очевидно, что поезда из Грозного, Моздока и из Махачкалы должны контролироваться жестче, и предпочитают ими не пользоваться. Они добираются до Ростова, Краснодара, Волгограда, Элисты – любым видом транспорта, а там уже пересекаются на московский поезд, если вообще едут поездом. Так вот, шел поезд из Волгограда. Естественно, мы не применяем в поезде кинологов со служебными собаками.

– Если кто-то задумал взорвать поезд, то при появлении кинолога с собакой просто произведет взрыв раньше времени, только и всего.

– Правильно. Там, в этих поездах, прогуливается из вагона в вагон пожилой человек с кокер-спаниелем, специально натренированным отыскивать по запаху взрывчатые вещества. Собака чувствует этот запах с двух метров. Очень талантливый и тщательно оберегаемый кокер. И возле одного из купе, где ехали две пожилые чеченки, собака залаяла. Мужчина, естественно, извинился, отругал собаку и потащил ее дальше. Реакция собаки – сигнал, на который среагировали сотрудники линейного отдела милиции в гражданском. Одна из женщин вышла за чаем, у нее захватили сразу обе руки, чтобы предотвратить возможный взрыв знаменитого «пояса». Вторая только выглянула из купе на шум, с ней произошло то же самое. Сработали четко...

– Не совсем, – не согласился Басаргин.

- Что вас смущает?
- В купе, как я понимаю, ехали и другие пассажиры?
- Да, еще два казака. Правда, без шашек. Но, как обычно, ряженные...
- Отличная маскировка. Вполне можно было бы изобразить, что виновники переполоха – они.

Астахов на несколько секунд задумался.

– Вы правы. Этот вопрос необходимо проработать и разослать циркулярным способом по всем ведомствам, занятым в контроле поездов. Но в этот раз нам повезло. В сумках женщин нашли восемнадцать килограммов тротила и около трехсот граммов «состава С»⁵. Ни детонаторов, ни «поясов шахидов» нам на сей раз, к счастью, не продемонстрировали. Знать бы это заранее, можно было бы организовать наблюдение и захватить адресата. Но сотрудники МВД оказались не из самых расторопных и даже следующую возможность упустили. По показаниям женщин, их должны были встретить на вокзале в Москве и сумки забрать. Они, естественно, «не знали», что в сумках. Просто, говорят, просили до Москвы доставить и заплатили за это сто долларов. Вариант стабильный.

На этом бы дело закончилось, но тут проводница вспомнила, что в Волгограде женщин сажал на поезд молодой чеченец, которого она видела после этого в соседнем вагоне. Обратила на него внимание, потому что красивый парень. Он на стоянке выходил курить на перрон, она опять его увидела. Сам он в их вагон за сутки пути ни разу не заглянул. Естественно, соседний вагон собаками тоже проверялся, там реакции никакой не было. Этого чеченца сотрудники линейного отдела взяли, когда он вышел в тамбур. Перерыли, естественно, его багаж. Среди вещей задержанного обнаружен автоматический пистолет «беретта» и две запасные обоймы к нему.

Всех арестованных доставили к нам для «раскрутки». Чеченец назвался Зурабом Хошиевым, утверждал, что женщины на вокзале попросили его помочь донести до вагона сумки. Раньше он их не видел и не знает даже их имен. Ту же версию выдвигают сами женщины. Наличие пистолета Хошиев оправдывает необходимостью защиты, так как у него, как у бывшего сотрудника милиции, много личных врагов среди боевиков. Пистолет, говорит, купил на базаре.

Басаргин кивнул:

– Вполне возможно. Там и автоматы, и гранаты продают. И даже милиция порой вооружается там же. Вообще к жителям Чечни в таком вопросе относиться следует по особым меркам. Я понимаю, что закон обязателен для всех, но вы сами отлично знаете, насколько не проработаны у нас законы. Там в самом деле прожить без оружия сложно, тем более такому человеку, как Зураб. С его прошлым. Извините, что перебил, товарищ генерал. Я слушаю вас дальше.

– Этот Зураб Хошиев попросил свидания с вами. Дескать, у него есть для вас важные сведения. С нами сведениями делиться не пожелал. К сожалению, мы не смогли вас сразу найти. Вот, в принципе, и все, если бы не одно маленькое «но»...

– Слушаю вас...

– Это «но» заключается в том, что, по нашим агентурным данным, в ближайшие дни, может быть, даже сегодня, может быть, даже в ближайшие часы в Москве готовится проведение целой серии террористических актов. Субботний день, массовые мероприятия, народ гуляет и отдыхает... Завтра воскресный день. Та же картина... Понимаете? Агентурные данные очень расплывчаты. Именно поэтому мы искали вас. Может быть, мы сможем через Хошиева зацепиться за ниточку, если он имеет отношение к этому делу. По крайней мере у него может быть случайная информация, которая нам поможет...

⁵ Состав С – взрывчатое вещество, больше известное под названием пластит.

– Хорошо, товарищ генерал. Причина достаточно уважительная, чтобы встретить меня у самолета и доставить не домой, а сюда.

– Сейчас Хошиева приведут.

– Зураб в самом деле служил в милиции, потом его убрали оттуда довольно невежливо. Местные тейповые дела и передраги, а он только что едва-едва сумел оправиться после тяжелой контузии и остался почти без средств к существованию. Во время второй моей командировки в Чечню мы опять встретились, и я передал его своему сменщику для работы «сексотом». Думаю, он и сейчас ехал с какими-то сведениями. Давайтеждемся его. А пока я могу предположить еще один вариант. В том же поезде, где везли взрывчатые вещества, должны были везти и детонаторы и, возможно, устройства дистанционного управления. Следовало бы более внимательно отнестись к пассажирам.

– Вы нас, Александр Игоревич, за дилетантов тоже не считайте, – генерал сказал это даже слегка обиженно. – Мы пришли к такому выводу сразу, потому что знаем, что в Москве детонаторы достать труднее, чем взрывчатку. На поезд сразу села дополнительная бригада. Осматривали багаж всех подозрительных лиц. Но они же не могли просмотреть багаж всех пассажиров, сами понимаете... Найти ничего не удалось. Кстати, за последний месяц это уже третий случай выявления взрывчатых веществ при перевозке. Правда, первые два случая были на автомобильной дороге. Сначала в мешках с рисом, потом в тайнике под кузовом грузовика. И оба раза без детонаторов.

– Химические детонаторы для «состава С» найти практически невозможно. Их можно перевозить в виде закладки в книге. Что касается детонаторов для тротила, надо искать производителя здесь. Нужна только небольшая мастерская для изготовления и умелые руки.

– Мы уже давно ищем такую мастерскую. Несколько месяцев...

В дверь постучали.

– Войдите, – громко сказал генерал.

– Товарищ генерал, задержанный Зураб Хошиев доставлен, – сказал прапорщик из группы сопровождения арестованных.

Зураба, небритого и усталого, ввели в кабинет.

– Снимите наручники, – приказал генерал.

2

– Очевидно, вас надо оставить наедине? – предположил Астахов.

– Если можно... – вежливо отреагировал на это Басаргин.

Астахов усмехнулся, оглянулся на сейф, проверяя по привычке, не оставил ли ключи в замочной скважине, и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Здравствуй, товарищ капитан, – сказал Зураб.

– Здравствуй, – ответил Басаргин и протянул руку. – Садись. Что тебя сняло с насиженных мест? И как ты так неловко попался...

– Так уж и попался... Сам знаешь, что мне без пистолета нельзя.

– Знаю. Сейчас многим нельзя без пистолета. Мне недавно тоже было нельзя. Два покушения было. И сейчас приходится носить. Поэтому я могу тебя понять. Тех женщин в поезде ты в самом деле не знаешь?

– Уже в дверях перед перроном встретились. Смотрю, пыхтят со своими сумкам. Еле тащат. Попросили помочь – как я отказать мог... Они моей мамы покойной ровесницы.

– Я верю. Меня ты искал в надежде на помощь? Или есть какое-то сообщение?

– Есть сообщение...

Зураб сделал паузу.

– Я слушаю, – поторопил Басаргин.

- Зарема в Москве... Вместе с сыном...
- Вот как! У нее все в порядке? Я рад за нее...
- Зураб отрицательно покачал головой.
- У нее не все в порядке... У нее все очень плохо!
- Рассказывай.
- Она два месяца была в батальоне «черных вдов» у Басаева. Вместе с Арчи... Теперь ее привезли сюда... Ты понимаешь для чего?
- А Арчи?
- И он с ней... Два человека, мать с сыном, – это не вызовет подозрения. Я так думаю... Наверное, и еще кто-то так думает...
- Где ее искать?
- Я не знаю этого. Я знаю только, что повез ее в Москву сам Умар Ажигов. Я только через три дня узнал и поехал к тебе за помощью.
- Умар Ажигов... Сам Умар... Кстати, он сейчас проходит по спискам Интерпола на розыск.
- Он персонально отвечает за всех женщин-смертниц. Можно сказать, что командир батальона. Его у нас теперь так и зовут – «черный комбат». Раньше Умар в Москву не ездил. Только дома разрабатывал операцию, а кто-то уже здесь корректировал ее и контролировал выполнение. Если поехал сам Умар, это должно быть что-то масштабное.
- Александр откинулся на спинку стула.
- Это я помню. Почему ты не рассказал об этом генералу?
- Какому?
- В кабинете которого мы беседуем. Генерал Астахов Владимир Васильевич.
- Этот, в штатском?
- Да.
- Я в первый раз его вижу. Со мной разговаривал сначала какой-то капитан. Потом старший лейтенант. Их совершенно не интересовал мой пистолет. Они пытались заставить меня признаться, что это я вез груз взрывчатки в поезде. Странно только, что не били. Но врач меня уже осматривал. Думаю, хотели применить спецсредства.
- Обстановка такая, что могли бы и применить... – задумался Басаргин. – Что нам делать с тобой?
- Меня посадят за ношение оружия. Больше мне ничего не грозит. И «грохнут» в первую же неделю... Туда «малява»⁶ дойдет быстро. А боевики на «зоне» в авторитетах ходят.
- Ты, я чувствую, рад этому несказанно?
- Что мне остается делать? Я уже давно не мент и могу рассчитывать, как ты понимаешь, только на общий режим. Что меня там ждет, я представляю реально.
- Ладно, – встал Басаргин. – Будем думать. Ты, кстати, не против возможности вернуться на службу? Только не на прежнюю, а чуть-чуть на иную. Где я буду твоим начальником.
- Не против, товарищ капитан.
- Теперь я капитан запаса...
- Ты уже здесь не служишь?
- Нет. Потому меня так долго и искали. Тебя где содержат?
- Здесь же, в подвале. Мне еще обвинение не предъявили, чтобы в изолятор отправить.
- Тогда потерпи...
- Басаргин подошел к двери и распахнул ее. Генерал Астахов беседовал в коридоре с двумя офицерами.
- Мы поговорили, товарищ генерал...

⁶ Малява (уголовн. жаргон) – письмо, переданное тайно в ИТУ или оттуда.

Астахов сделал знак прапорщику. Тот зашел в кабинет и вывел задержанного, снова зашелкнув ему за спиной руки наручниками. Зураб посмотрел на Басаргина долгим взглядом.

– Если что, не забудь про Зарему с Арчи, – он не напоминал, он просил с тоской в голосе и в глазах.

– Я не забуду, – пообещал Александр.

Хошиева увели. В конце коридора к первому присоединился и второй прапорщик.

Генерал с Басаргиным вернулись в кабинет. Сели на прежние места.

– Ну, что он вам поведал, Александр Игоревич? Есть что-то интересное для нас?

– Есть, Владимир Васильевич. И даже очень. Вам ничего не говорит имя Умара Ажигова?

Астахов от этого имени даже приподнялся в кресле.

– Очень много говорит. Он уже два года в федеральном розыске. И по вашему, интерполовскому розыску тоже проходит. Специалист по подготовке смертниц. За ним в Чечне идет настоящая охота, к сожалению, пока безуспешная.

– Сейчас он в Москве вместе с некоторыми «вдовами» из своего батальона...

– Это сказал Хошиев?

– Да.

– Что же он раньше молчал?

– Я тоже задал ему такой вопрос. Оказывается, его об этом даже не спрашивали. Его спрашивали только о женщинах, перевозящих взрывчатые вещества. Кроме того, он и не стал бы вам рассказывать...

– То есть... Почему?

– Потому что Умар Ажигов привез в Москву женщину с ребенком... Эту женщину Зураб любит с самого детства. Там очень драматичная и печальная история. Я тоже принимал некоторое участие в судьбе этой женщины. Хошиев поехал в Москву с целью найти Зарему и спасти ее... Естественно, без пистолета он не может противостоять Ажигову и его людям. Владимир Васильевич...

Генерал уже понял, к чему клонит разговор Басаргин, и посмотрел на него прямо:

– Как вы представляете себе хотя бы документальное оформление подобного...

– Просто. Я пишу объяснительную записку, что Зураб Хошиев является сотрудником Интерпола и находился с оружием во время выполнения задания.

– Вы, я вижу, очень в нем уверены.

– Он меня ни разу не подводил. Кроме того, мне представляется, что без помощи Зураба мы не сможем найти женщину-террористку и самого Умара Ажигова. У меня очень ограниченные выходы на чеченскую диаспору. А у вас?

Генерал хмыкнул, наблюдая, как расставляет ему ловушку капитан запаса.

– А у нас все выходы на диаспоры проходят через ваш бывший отдел, то есть через полковника Баранова. Должно быть, вам виднее, какие выходы существуют. Вы же не только цыганами занимались.

– Ну вот... Значит, товарищ генерал, и вы видите целесообразность освобождения Хошиева из-под стражи. Даже без моей объяснительной записки, поскольку возглавляемый мной сектор не проходит по республиканскому реестру даже режимных предприятий.

– А что прокурор скажет?

– Зурабу не предъявляли обвинения.

– Вы уверены? Почему?

– Очевидно, готовились к применению спецсредств, с тем чтобы задержанный потом просто пропал – и все... Такое случается, как вы знаете, в нашей стране.

Астахов подумал с минуту.

– Вы не возражаете, если я посоветуюсь с товарищами?

– Как я могу возражать, если я обращаюсь к вам с просьбой.

Генерал вышел. Басаргин встал и подошел к окну. Набрал по «сотовику» номер Тобако.

- Андрей, ты освободился?
- Почти.
- Где ты сейчас?
- Недалеко от тебя, если ты все еще в управлении.
- Можешь сейчас подъехать?
- Не хочется на метро ездить?
- Надо будет отвезти к нам человека. Нежелательно, чтобы его видели на улицах. Пока мы не придумаем что-то для него. Тем более нежелательно, чтобы видели вместе со мной, да еще выходящим из здания ФСБ. Я предполагаю, что этот человек – наш будущий сотрудник.
- Еду.
- К твоему бывшему подъезду.
- Понял.

Астахов вернулся через пару минут. Сел в кресло. Присел на свой стул и Басаргин.

- Ну что, Александр Игоревич... Работаем вместе?
- Вместе. Но – по отдельности... Предоставление данных гарантирую, если получу то же самое взамен. – В голосе Александра прозвучали откровенные обида и недовольство. – Если бы в прошлую операцию я имел полные данные, то нам бы не пришлось отдать лавры победителей спецназу ГРУ. Но вы от меня утаили, что спецназ проводит операцию.
- ГРУ с нами далеко не всегда делится информацией. Но мы постараемся наладить с вами хороший контакт, поскольку делаем общее дело.
- Хошиева сейчас освободят. Оформляют документы и приносят извинения. Это – строго под вашу личную ответственность.
- Я понимаю, что моя жена такую ответственность нести не может. Точно так же, как и мой заместитель. И потому готов нести ее сам.
- Я слышал, у вас в замах ходит майор Тобако?
- Он тоже майор запаса.
- У нас на стенде висит его портрет. Ходячая легенда. Я пришел в «Альф», когда его уже здесь не было. И потому с Тобако не знаком. Буду рад исправить это. Так и передайте ему.
- Обязательно.
- Хорошо. Увидимся.

3

Больше всего Зареме тогда не хотелось, чтобы ее о чем-то спрашивали...

Она и не стала бы отвечать. Просто молчала бы. Потому что ответ на самый естественный вопрос, который в голове каждого возникнуть должен, – это бесконечное переживание заново всего происшедшего, всего того ужасного, болезненного, неизбежного горя, что выпало на ее молодые годы. Оно и так не прекратилось, это переживание, не утихло. Только отступает на минуту, на пять или десять куда-то в сторону, уступая естественным проявлениям жизни, а потом, стоит только в мыслях наедине с собой остаться, возвращается и щиплет где-то внутри, больно, нескончаемо. И от этого возникла усталость, равнодушие к боли и нежелание о ней говорить.

Наверное, горя каждому отпускается определенное количество. Когда-то она слышала рассказ ученого имама о том, что невзгоды посылаются Аллахом для того, чтобы у человека окрепла вера. Имам был беден и умен, он много ходил по свету и горя насмотрелся немало, и сам его хлебнул с лихвой. Он много знает и, как всякий знающий, много умеет понять...

Только Зарема, когда задумывалась, сама никак понять не могла, почему именно ей эти испытания выпали. Почему не кому-то другому – не подругам ее, не соседям. Неужели им не

нужно укреплять веру? Конечно, всем испытаний хватило с избытком. Нет во всей Ичкерии, как нет и во всей Чечне⁷, тейпа, который мог бы сказать, что сохранил всех своих мужчин. А если бы и нашелся такой, то потерял бы уважение других, и другие бы назвали всех мужчин этого тейпа женщинами. Но большего горя, чем у нее, Заремы, она даже по рассказам не знает. Хотя, наверное, свое горе для каждого самое больное, самое непереносимое.

Зураб что-то долго говорил, что-то рассказывал капитану Басаргину. Наверное, то рассказывал, о чем не хотела вспоминать сама Зарема. Он освободил ее от этой тяжелой обязанности. Капитан сидел молча и хмуро, ритмично постукивал ручкой по чистому листу бумаги, ничего не записывая, иногда и у Зураба спрашивал, но у Заремы, слава Аллаху, нет. Только бросал на нее взгляды. Она эти взгляды чувствовала, хотя смотрела по-прежнему в пол.

Потом они говорили оба. А она не слышала. Она думала о том, что Арчи проснулся уже и испугался, потому что нет рядом с ним матери. Опять нет, как тогда, когда он проснулся в госпитале, а потом увидел ее перевязанную и не умеющую вставать. Как плохо, когда дети просыпаются и пугаются. Еще хуже, если они вдруг обнаруживают свою маму забинтованной и загипсованной. Откуда может ждать радости ребенок, несколько раз переживший такое...

Хорошо бы когда-нибудь купить Арчи игрушку и хоть тогда увидеть в его глазах радость...

* * *

– Вам трудно будет... Вам, конечно, очень трудно будет... – сказал капитан Басаргин, и она вдруг поняла, хотя ничего не слышала из разговора мужчин, что они пытаются придумать, как помочь ей.

А можно ли ей вообще помочь? Они что, могут вернуть ей Адлана? Они могут помочь ей вернуть отца? Они могут восстановить здоровье Арчи? Они ее саму, Зарему, могут опять сделать здоровой и веселой? О чем тогда они говорят? К чему тогда вообще все эти разговоры...

– Не надо ничего... Ничего мне от вас не надо... – сказала она, попыталась встать, но ноги ее не держали. – Я ничего не хочу...

– Вам не надо, надо вашему сыну. Придет и в Чечню нормальная мирная жизнь. Сын вырастет, и ему долго еще жить предстоит и внуков ваших растить...

– Мы не знаем, что такое нормальная мирная жизнь. Я еще ребенком была, когда она кончилась... – откуда-то вдруг голос прорезался, сопротивляться захотелось, высказаться. Вспомнилось, что отец говорил раньше, до того, как купил себе автомат. А говорил он, что Москва предала Чечню. Растравила и бросила на произвол судьбы. После этого вспомнились и другие слова, что говорили сначала бородатые вооруженные люди, потом, когда с ними встал, и Адлан. – Зачем вы вообще пришли в наш дом, на нашу землю... Зачем?

– А зачем чеченцы пришли в Москву? – все еще спокойно, но уже с напряжением в голосе сказал капитан. – Их сейчас там не меньше, чем здесь...

– Они что, мешают вам жить, как вы привыкли?

– Почти каждый чеченец в Москве если сам не бандит, то помогает бандитам. Не работают чеченцы на заводах, не встретишь чеченца на стройке. Чем они занимаются?.. Мне рассказать или вы сами это знаете? Вы должны это знать, потому что это знают здесь все.

Да, честно говоря, Зарема сама прекрасно знала по разговорам, как живут чеченцы в Москве. Так же живут, как здесь. По закону сильного. И там сильные не дают слабым жить спокойно, и здесь не дают.

– Оставили бы вы нас в покое... – сказала она тише.

⁷ Ичкерия – горные районы Чеченской республики.

– Мы оставляли вас в покое. Вы, очевидно, забыли это. Покой вам предоставили. Но чем этот покой обернулся? Для вас для всех, для жителей Чечни? Чем? Напомнить? Но если бы еще только это!.. Вы же еще и в Дагестан пришли! Вас туда звали? Вот теперь вы и пожинаете плоды...

– Меня в покое оставьте... – уже не за всех чеченцев, уже только за себя попросила она едва слышно, потому что знала, сколько в его словах правды.

* * *

Она знала только свою маленькую правду, правду, которая касалась только ее лично. Но и чувствовала при этом, что не капитану Басаргину, а кому-то там еще, в Москве, рангом и званием повыше, имеющему карман потолще и рожу пошире, эта война нужна. Кто-то там, в Москве, наживается на этой войне, набивает свой карман. Точно так же, как здесь, в Чечне, есть люди, которые наживаются за счет войны и не хотят, чтобы она прекратилась.

Но почему отвечать за все это должна она, Зарема? Почему страдать из-за этого должен ее маленький Арчи, который разучился улыбаться, перестал говорить и слышать! Почему другие люди должны отвечать за это? Соседи, знакомые, родственники и чужие? Почему ее мать должна остаться одной на старости лет, когда Зарема не выдержит больше собственных испытаний?

И что тогда с Арчи станет?

* * *

– Трудно сейчас устроиться куда-нибудь... Я попробую... – сказал капитан Басаргин.

Зарема опять не слушала, что говорят между собой мужчины. Поняла только последнюю фразу. Она вдруг дошла до сознания. Ее попробуют на работу устроить. Работа и возможность получать зарплату – это возможность жить и кормить сына. Это возможность купить сыну какой-нибудь подарок, чтобы попытаться вызвать в его глазах радость.

Кто знает, может быть, капитан в самом деле сумеет найти для Заремы работу? Сколько людей здесь, в Чечне, о работе только мечтают? Неужели ей так повезло? Зарема размечталась и даже взглянула благодарно на Зураба. Это и он тоже помогает. Он помогает, а не мстит...

* * *

Зураб отвез ее в деревню на своей милицейской машине. Один не поехал. Он никогда не ездит один, как и все милиционеры. На заднее сиденье сели еще трое с автоматами. Неприятно это было. Неприятно, что привозят ее домой милиционеры на машине. Люди могут плохо подумать о Зареме. С милицией в деревне никто не дружит. Это считается позорным – дружить с милицией. Но ее не спрашивали, на чем отвозить. А сил на то, чтобы пешком пройти двадцать два километра, у нее не было.

– Здесь... – сказала она, когда машина поравнялась с ее домом.

До дома матери можно и пешком дойти. Не хотелось, чтобы мать видела милиционеров. Не хотелось, чтобы Арчи их видел.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

«Маленькая квартирка» на Комсомольском проспекте, рядом с мостом, в двух шагах от станции метро «Парк культуры». Старый дом с толстенными шлакоблочными стенами. До потолка не допрыгнешь. Квартира эта, конечно, обошлась Ахмату в приличную сумму, даже если учесть, что продал ее знакомый азербайджанец, который уезжал на постоянное жительство в Голландию, где свободно можно было жить с его тремя женами, не чувствуя дискомфорта от непонимания со стороны закона, и курить себе «травку» в присутствии комиссара полиции, не опасаясь преследования. Покупать такую квартиру у незнакомых вышло бы намного дороже.

Туда добрались не скоро. Московское утро славится тем, что лучше ездить на метро, чем на машине. Но в метро с такими попутчиками – без документов – предпочтительно не соваться. К тому же немало может попасться навстречу людей, которые узнают или самого Текилова, или Ширвани с Нури. Увидят их вместе... Нет, разделить участь Гали Барджоева Ахмат не собирается. Он осторожность не потерял, как Гали. Так глупо, и, главное, на чем попасться? На билетах! Поручить по бездумности мальчишке-«шестерке» купить билеты на поезд... Что может быть несуразнее собственной лени в такой ситуации? Гали всегда был ленив... Любил, чтобы ему приносили готовенькое, чтобы за него дела делали...

Глупость, из-за которой погиб Гали, первоначально показалась провалом всех планов. Но Текилов отлично умел управлять обстоятельствами, отыскивая подходы к любым из них с разных сторон. И в этот раз он опять с обстоятельствами справился, только слегка подкорректировав предыдущий план.

Ахмат не Гали, он поведет себя иначе. Он опытнее, он хорошо представляет себе ситуацию. И потому предпочитает потерять время в автомобильных пробках, чем положиться на случайность. К тому же не бросать же чужую машину посреди города. Потом ее не найдешь, даже такую старенькую...

Сначала, уже около дома, Ахмат остановился рядом с магазином.

– Денег совсем нет? – спросил с небольшим укором, продолжая играть прежнюю роль. Он человек небогатый. Был бы богатый, не на такой бы машине ездил.

– Совсем. Гали забрал. Сказал, так спокойнее будет, так мы никуда не денемся.

Текилов сделал вид, что не заметил прокола Ширвани. А прокол очевиден. Почему забрал деньги Гали? Что значит – «никуда не денетесь»? Да, для оперативной работы бесхитростный тракторист годится мало. И приходится удивляться, что он, даже при всех подсказках Ахмата, переданных посторонними, до сестры добрался и умудрился освободить ее...

Как умудрился освободить – это Ахмат знает с чужих слов. Сам он предпочитал у места основного события не появляться, хотя и очень хотелось проконтролировать действия деревенского неумехи. По слухам, Ахмат знал, что сначала вдов «выводят», как собак, на прогулку. В Москву. Чтобы они привыкли к русской столице и чувствовали себя свободно на улицах. Не шарахались от непривычного, не привлекали к себе внимания. Обычно таких прогулок совершалось от трех до шести, в зависимости от «дикости» самих «вдов». Гуляли в местах, где предстояло действовать, чтобы можно было там ориентироваться. И Ахмат постарался, чтобы этот слух дошел до ушей Ширвани. Слух дошел. Деревенщина начал действовать.

Но он побоялся взять в руки оружие, хотя Гали предлагал ему пистолет. Тракторист никогда не воевал. И потому вооружился вместо пистолета или ножа куском водопроводной трубы. Длинной в полметра. И ударил сопровождающего сзади по голове. Тот упал. А Ширвани схватил

сестру за руку и побежал вместе с ней. И не видел, что сопровождающий после тяжеленного удара встал на колени и посмотрел им вслед. И узнал неуклюжую, косолапую фигуру тракториста, которого сам когда-то, когда увозили Нури из родной деревни, ударил прикладом в лоб, чтобы не мешался.

Тогда и начался поиск. Боевики зашевелились, забегали. Под угрозу провала встала вся сеть. Самое первое в таком поиске – опрос всех членов диаспоры. И своей, и дружественных. Мальчик-«шестерка», которого Гали послал в кассы за билетами, встретил друга. Друг звал с собой. Мальчик-«шестерка» сослался на дела. Обещал присоединиться позже, когда купит два билета. Так вышли на Гали.

Характер льва и родственные отношения не позволили тому сразу сдать людей, обратившихся к нему за помощью. Говорил, что они уже уехали. Как они могли уехать? – спрашивали его и совали под нос документы вместе с билетами.

И снова били.

Его сильно били. Потом хотели оставить жить до утра, потому что утром должен был приехать человек, которому Гали не посмеет отказать. Человек с авторитетом. Гали до утра не дожид, и сейчас его, наверное, уже закопали где-нибудь в подмосковном лесу. А Ахмату пришлось приложить много усилий, чтобы узнать положение вещей. Его действия могли насторожить Умара Ажигова, потому что пропало два человека из верных его помощников. И потому труп одного из пропавших Ахмат велел выбросить в лесополосе в черте города. Чтобы нашелся быстрее. Такая находка подтвердила бы версию о какой-то вражде, но отмела бы версию о вмешательстве спецслужб. Вражды Умар не испугается. Кровников у него так много, что он давно привык к их существованию и к своей постоянной настороженности из-за этого.

Может ли он заподозрить здесь присутствие и участие Ахмата Текилова? Едва ли. Нет причин так думать, когда налицо одна и весьма ясная версия: брат похитил сестру и сопротивляется с силой, которой никто не ожидал от него – деревенского дурачка, тугодума, не способного муху убить.

А ведь этот брат и в самом деле, наверное, такой, раз не пожелал взять у Гали пистолет. Один Ширвани, конечно, пропадет. Попусту пропадет, без смысла. Слишком он не приспособлен к активной и жесткой, жестокой жизни. И сестру погубит. На простой вещи прокалывается, выдает себя с потрохами. Значит, следует следить за ним внимательно.

– Подождите здесь, – сказал Ахмат с демонстративным вздохом доброго и слегка усталого человека и вышел из машины.

Вернулся он через десять минут с полным пластиковым пакетом. Набрал еды, чтобы его гости не сидели голодными и не вздумали на улицу выйти в его отсутствие. Потом подкатил прямо к подъезду. В доме живет несколько азербайджанских семей. Конечно, это не чеченцы, но между собой они поддерживают хорошие союзнические отношения. Им тоже не надо видеть, кого привез Текилов. И Ахмат некоторое время сидел, вызывая недоумение пассажиров, присматриваясь к своему двору. Ждал, пока уйдет куда-нибудь пожилая женщина-азербайджанка, гуляющая с ребенком. Но это ожидание могло продлиться несколько часов. Пришлось рисковать.

– Пошли... – сказал наконец. – Быстро...

Он открыл подъездную дверь ключом, вызвал лифт. Чуть не молился, чтобы никто не пришел одновременно с ним. Никто не пришел. Дальше дело обстояло проще. Нужный этаж. Металлическая дверь. В квартире жарко. До обеда солнце светит в окна с одной стороны, после обеда с другой. И всегда здесь солнечно.

– Хороший у тебя дом! – сказал Ширвани, подходя к окну. Из окна с этой стороны открывается вид на реку. Для деревенского жителя это самый лучший вид Москвы.

– Ремонт надо делать, да все руки не доходят... – вздохнул Ахмат. – Но жить здесь можно. Я пока в другом месте живу. Вы меня не стесните. Холодильник выключен. Надо включить. Вот продукты. Располагайтесь, отдыхайте. Я вечером заеду, подумаю, как нам быть.

Надо найти какой-то подход к Ширвани. Такой подход, чтобы не спугнуть его. Одно дело ударить трубой человека, пусть и боевика, который тебя когда-то прикладом в лоб саданул. За такое тебя только уважать будут. Совсем другое дело пусть и не самому, но причинить боевикам вред, сорвать все их планы. Тогда уже и домой показаться нельзя будет. Ширвани прост. Он не понимает, что и сейчас ему уже нельзя показываться домой. Что туда позвонили, там ждут, и он даже от вокзала отойти не сможет далеко, как окажется в руках людей Умара Ажигова. И сестра опять поедет в Москву, предварительно, скорее всего, повторив подготовку в батальоне. Должно быть, по сильно укороченной программе. Это повторение необходимо для того, чтобы наркотическое состояние не проходило совсем. Сейчас оно проходит. Разрывается периодичность. Потому и не слушаются ноги. А скоро у Нури может начаться настоящая ломка. Хотя ломка, скорее всего, уже прошла в том домике на берегу. Брат наркотики не даст. Он их и достать со своей простотой не сумеет. И не на что ему их купить.

– Закрывать вас или сами закроетесь? – спросил Текилов, давая понять, что они свободны и могут в любой момент покинуть квартиру.

– Как хочешь. Мы никуда не пойдем сегодня. Отдохнуть надо. Нури прибаливает...

– Тогда я закрою, – сказал он и вышел.

2

Генералу позвонили и сообщили, что задержанный вместе с вещами у выхода. Документы все при нем. Пистолет вернули.

– Пистолет ему вернули, – сообщил Астахов Басаргину.

– Хорошо, – кивнул Александр.

– Осторожнее с оружием. – Похоже, возвращение пистолета человеку, не имеющему на него разрешения, не очень-то понравилось Астахову. Как человек военный, он привык к оружию относиться серьезно. А как специалист-антитеррорист вооруженного человека привык считать потенциально опасным для общества. Даже при том, что этот человек будет помощником.

– Вы баллистическую экспертизу наверняка провели.

– Провели, – согласился генерал. – На стволе ничего не висит. Но если ваш Зураб попадет с этим стволом не к нам, а в милицию, вам будет труднее его выцарапать оттуда. МВД не поставлено в известность о существовании вашего сектора, хотя НЦБ курирует именно МВД. Лучше без необходимости ствол с собой не брать.

– Можно будет ему сделать временную регистрацию в Москве? – высказал Басаргин просьбу. – Чтобы с теми же ментами проблем не возникало?

– С этим сложностей возникнуть не должно. Я сам позвоню. Только адрес мне сообщите, как только определитесь. У вас уже есть какие-то определенные наметки по использованию Хошиева?

– Пока конкретных нет. Мы еще даже не составляли план оперативных мероприятий. Я включился в это дело уже в вашем кабинете. Пока я вижу только возможность встреч Зураба с членами своего тейпа. И собирание слухов и информации. Слухов, как правило, бывает гораздо больше, но отсеять из них полезную информацию тоже возможно. Но главное даже не в этом. Здесь есть один важный момент, который следует обязательно использовать, не вызвав подозрений.

– Какой?

– Зураб со школьной скамьи влюблен в Зарему. И до сих пор. Все родственники это знают, иногда подшучивают над ним. Но это оправдывает сами поиски. Никто не подумает, что он ищет Умара Ажигова. Все будут считать, что он ищет только Зарему. Даже сам Умар, который о существовании Зураба наверняка знает. И от Хошиева так прятаться, как от нас с вами, не будет.

– Да, это прекрасный козырь. Грех такой упустить, и я понимаю ваше желание иметь Зураба в своей команде. Еще какие-то просьбы?..

– Да. Поговорите с полковником Барановым о возможности активного использования нами осведомителей, числящихся за его отделом.

– Вы же и так их будете использовать. Я правильно вас понимаю?

– Буду. У меня работа с «сексотами» была хорошо поставлена, многих я лично вербовал и готовил, натаскивал. И я не вижу смысла терять такой источник информации. Но если будет разрешение Баранова, у меня будет легче на душе.

– Хорошо. Считайте, что я разрешил вам. Баранов согласится.

– Он упрямый, извините, как баран.

– На этот случай существует директор, который упрямство может сломить своим распоряжением. Пусть вас это не волнует. Действуйте. И держите меня в курсе дела.

Они пожали друг другу руки. На выходе дежурный офицер кивнул на прощание Басаргину, как своему человеку. Хорошо бы, если бы так же кивали ему и во время ознакомления с накопленной информацией. Практика, однако, показывает, что информацией Контора делиться не любит, как не любил это делать и сам Басаргин в пору своей работы здесь.

Конечно, по-доброму-то следовало самому зайти к полковнику Баранову и поговорить по душам. Сергей Иванович человек понимающий. Но не хотелось оставлять освобожденного Зураба надолго в одиночестве. Еще надумает воздухом после пребывания в подвале подышать. Прекрасный вид – у подъезда ФСБ. Кто не пожелает – и тот увидит.

Александр заспешил к выходу, тщательно изображая из себя очень занятого человека. Это специально, на случай встречи с кем-то из знакомых. И знакомые, каковых было множество, понимали его торопливость и не останавливали, хотя, казалось, специально вышли в коридор, чтобы его поприветствовать. В былые дни никогда не встретишь за один проход столько людей.

Зураб сообразил, молодец, и из подъезда не вышел. Он стоял уже перед дверьми, позади дежурного, и дожидался Басаргина.

– Спасибо, – коротко поблагодарил за освобождение. Но в этом коротком слове было много веры в помощь Басаргина. В дальнейшую помощь...

– Постой здесь. Я сейчас машину посмотрю, – ответил Александр и вышел за двери.

Тобако ждал в стороне. Увидел своего молодого начальника сразу и подъехал. Басаргин сделал ему знак рукой, открыл дверь и позвал Зураба. Когда тот вышел, дверь «БМВ» уже была распахнута для него, и тут же с краю сел сам Александр.

– Поехали.

И только когда машина уже перестроилась в третий ряд и Андрей привычно бросил несколько пристальных взглядов в зеркало заднего вида, проверяя наличие «хвоста», Басаргин представил нового участника предстоящей операции.

– Познакомься, Андрей. Это бывший участковый инспектор милиции в Шалинском районе Чечни младший лейтенант Зураб Хошиев, благополучно вызволенный мной из плена ФСБ. Зураб привез ценную информацию, по которой мы начинаем работать.

– Уже начинаем?

– Уже... Лично я уже начал, вызволяя Зураба. Генерал Астахов идет параллельным курсом, хотя конечные цели у нас чуть-чуть разные.

– Разные конечные цели? – переспросил Зураб.

– Для Астахова главное – поймать террористов-смертников и не допустить проведения взрывов. Для нас это только промежуточная цель, потому что основную я вижу в том, чтобы оторвать организаторов терактов от диаспор, на которые они опираются как на готовую базу. Необходим жесткий компромат, который в состоянии дискредитировать террористов перед самими чеченцами. Но это дело не одного дня...

Тобако воспользовался тем, что остановился у светофора, и протянул руку через плечо.

– Меня зовут Андрей. Будем, значит, вместе трудиться...

– Сообщений для нас никаких не было? – спросил Басаргин.

– Пока нет. Но нам самим следует доложить о совместной работе с «Альфой». Начальство не любит, когда силовые системы страны пытаются подгрести под себя наши структуры. Надо составить рапорт очень осторожно.

– Я составлю рапорт, как только приедем. Но обстановка в Москве требует нашего вмешательства. Я не думаю, что у Костромина или еще у кого-то могут возникнуть возражения.

– Добро!

Тобако не пожелал долго простаивать на перекрестках, свернул на боковую улицу, потом на следующую и на следующую. Так, на скорости сравнительно небольшой, он все же передвигался скорее, чем на магистральных дорогах. И уже через сорок минут въехал во двор.

– Доктор прилетел, – сообщил Андрей, когда они подошли к распахнутой подъездной двери.

– Откуда ты знаешь?

– Я его нутром чувствую. И еще чувствую, что он сильно не в настроении, – Тобако усмехнулся.

– Тебя, случаем, зовут не бабка Ванга?

– Нет. Просто у Доктора дурная привычка. Если он не в духе, он сильно распахивает подъездную дверь. Когда я полтора часа назад уезжал, дверь была в порядке. Я обратил внимание, потому что мысль возникла поставить в подъезде домофон, как во всех приличных домах. Сейчас – посмотри... Верхняя петля вот-вот оторвется. Так только Доктор со своей массой тела умеет. Во всех трех домах, где он имел квартиры, у него такая же история с подъездными дверями, поскольку не в духе он время от времени пребывает. Когда совсем уж не в духе, может и дверь кулаком проломить.

– От чего такой доктор лечит? – наивно поинтересовался Зураб.

– От жизни, – коротко сказал Тобако. – Если его хорошенько достать... Мы с ним когда-то вместе воевали в Абхазии. Я командовал одним батальоном, Басаев командовал соседним, хотя, по правде говоря, я не доверил бы этому вашему Шамилю и взвод. Но наглости Басаеву тогда было не занимать, как, наверное, и сейчас. И единственный человек, кого он побаивался, был Доктор. Там у нас процветали довольно вольные нравы. И возникали порой разногласия. Доктор одним кулаком способен был усмирить любого.

– Даже если бы Доктор проломил дверь нашего подъезда, я все равно остался бы рад его приезду, потому что такой специалист по проламыванию дверей весьма кстати, когда начинается большое дело, – сказал Басаргин.

Они поднялись на этаж.

3

Доктор сидел мрачный в офисе. Басаргин только приветственно махнул ему рукой, пропуская Тобако с Хошиевым, а сам прошел в квартиру поздороваться с близнецами, которые уже должны бы были и проснуться.

– Ты что-то сегодня мрачнее обычного, хотя мрачнее, я думал, не бывает, – сказал Андрей, пожимая Доктору руку, и сразу сел за компьютер.

Доктор взглянул на нового члена их компании слегка настороженно, Андрею, в соответствии со своим настроением, не ответил и только представился чечену:

– Виктор.

– Зураб. – Хошиев глаза раскрыл так широко, словно увидел перед собой призрак отца Гамлета. Так подействовал на него вид человека, которого опасался сам Басаев. Произвести впечатление колоритная фигура могла в самом деле на любого.

– Это наш сотрудник, пока только на период новой операции, а дальше будет видно... – добавил к взаимному представлению Тобако. – Он только намерен прибыл из Чечни и был сразу арестован «Альфой». Даже под пытками не выдал им сведений, сообщив, что выложит все данные только Басаргину.

– Новая работа намечается?

– Я как раз хотел у тебя спросить, – не отрываясь от монитора и щелкая мышью, сказал Тобако, – ты будешь завязан с нами или у тебя свои дела в Москве?

– У меня есть свои дела, хотя я и не уверен, что это мои дела, но с вами я тоже работаю.

– Спасибо за подробнейшую информацию. Ты еще, похоже, не завтракал?

– Ты же знаешь, что я никогда не завтракаю. Если я начинаю завтракать, я начинаю толстеть. А мне это не нравится.

– Нормальные люди отказываются от ужина, чтобы не толстеть. Я так слышал от кого-то мудрого...

– От ужина я тоже отказываюсь, – мрачно согласился Доктор. – А обедать предпочитаю в избранной компании.

– Из сказанного я делаю вывод, что тебя пригласили сегодня на обед.

– Я пригласил сегодня на обед...

В это время вернулся Басаргин, пожал руку Доктору и продолжил гастрономическую тему.

– Зураб, в соседней квартире моя жена готовит тебе завтрак, потому что в камере тебя, я думаю, не сильно откармливали. Доктор от завтрака уже отказался. Она тебя позовет через несколько минут. А до этого сообщи несведущим, – Александр кивнул в сторону Тобако с Доктором, – какие новости ты привез.

Зураб встал.

– Сиди, сиди... – махнул рукой Александр. – У нас нет армейской дисциплины.

– Новости простые. Небезызвестный всем Умар Ажигов прибыл в Москву.

– Даже так? – удивился Тобако. – Смелый шаг... Я понимаю, что быть опознанным ментами и предстать перед судом он не боится, поскольку ему этот процесс когда-то нравился – если память мне не изменяет, у Ажигова три судимости, и все за разбой. Но ведь до него могут добраться и родственники «черных вдов», у которых, как я слышал, накопилось к Ажигову немало вопросов.

– ...Прибыл и привез с собой знакомую нам с капитаном Басаргиным женщину с больным ребенком. Эта женщина в течение двух месяцев проходила стажировку в батальоне «черных вдов» у Басаева.

– Теперь уже с ребенком? – сказал Доктор все тем же мрачным тоном. – Моя бы воля, я заменил бы эту женщину на родителей самого Умара. Можно использовать родителей вместе с внуками.

– Свою задачу я вижу в одном, – продолжил Хошиев. – Найти эту женщину и спасти. Вот и все.

– Это не все, – не согласился Басаргин. – Во-первых, необходимо еще добавить, как и за что арестовали Зураба. На вокзале в Волгограде он помог донести сумки двум пожилым чеченкам и посадил их в поезд. Сам ехал в соседнем вагоне. Во время пути служебная собака учуяла запах взрывчатых веществ. Линейная милиция среагировала быстро, женщин задержали. При

осмотре в багаже у них оказалось целых восемнадцать килограммов тротила и триста граммов пластита. Без детонаторов, кстати.

– Значит, детонаторы везли в другом купе, – сказал Тобако категорично. – Или даже в другом вагоне. Так обычно считается безопаснее.

– Я говорил генералу Астахову то же самое. Они сами так же думали, но не имели возможности перерыть багаж всех пассажиров. Более того, «Альфа» разыскивает в Москве какую-то мастерскую, где могут делать детонаторы. Это не слишком сложный технологический процесс. Но суть дела не в этом. Суть дела в том, что последний факт стал подтверждением ранее установленного – в Москву завозится в больших количествах взрывчатка. Несколько партий было перехвачено на дорогах. В том, что основная часть груза не была перехвачена, думаю, никто из присутствующих не сомневается. У «Альфы» есть сведения, что в ближайшие дни, может быть, даже сегодня-завтра, планируется провести в Москве несколько террористических актов, возможно, одновременных. Поэтому прошу включиться в работу немедленно и выложить свои соображения. Мои соображения пока таковы. Что касается Зураба, то его задача представляется однозначной. Активно начать поиски Заремы с сыном, используя своих родственников и знакомых среди чеченской диаспоры. Умар Ажигов не в состоянии сам, без помощи диаспоры, провести крупномасштабную акцию. Сегодня, Зураб, тебе сделают регистрацию. Будешь числиться проживающим по моему прежнему адресу. Кстати, можешь там и остановиться, если не найдешь нужным остановиться у родственников.

– Лучше у родственников. Всегда можно услышать какую-то случайную фразу. А в таком деле случайная фраза способна навести на след.

– Я согласен. Но зарегистрироваться можешь по моему адресу. Через два часа позвони генералу Астахову. Его зовут Владимир Васильевич. Он скажет, к кому следует обратиться в отделении милиции, чтобы не стоять в очереди и не ждать оформления несколько дней. И не надо будет давать взятку. Теперь можешь идти завтракать.

Зураб вышел, понимая, что все разговоры ему слышать не полагается.

Басаргин подождал, пока закроется за чеченцем дверь, и продолжил:

– Дальше... Доктор, как я понимаю, присоединяется к нам. Потому я хочу воспользоваться его хакерскими навыками и засадить его за просмотр милицейских сводок. Андрей, ты сегодня утром говорил про нашу собственную сеть волонтеров, с которой я познакомиться не успел. Займись ими плотно и активизируй работу по полной программе. Поиск всех знакомых чеченцев. Контроль за приезжими. Характерная деталь – у Заремы Бадамовой, о которой рассказал Зураб, после взрыва в машине не работают три средних пальца на правой руке – не сгибаются. Ее сын после того же взрыва – мальчику сейчас три года – не слышит и не разговаривает.

– Кто их взорвал? Боевики?

– Наши. Боевики пытались прорваться из села. Муж Заремы захватил с собой ее и сына. Думали уходить в Грузию. По машине «шандарахнули» из «мухи»⁸. Эти данные обязательно довести до сведения всех. В принципе, это достаточно яркие особые приметы. Надо искать. Но нам нужна не только сама Бадамова. Главное – захватить Умара. Я попробую задействовать всю доступную мне сеть «сексотов» ФСБ, хотя они наверняка и без меня уже задействованы. Но будет совсем неплохо, если они начнут передавать сообщения в два адреса.

– Не забудь одновременно составить донесение Костромину, – добавил Тобако.

– Доктор, поскольку ты будешь работать за компьютером, сделай это от моего имени. Компьютер не различит наши с тобой автографы.

Доктор кивнул.

⁸ «Муха» – одноразовый гранатомет.

– Единственное, в два часа у меня свидание в ресторане. Это связано с основной моей деятельностью. Много времени это не займет, и я снова в вашем распоряжении.

– Хорошо. Нам поставлена задача, – Александр встал, – начинаем действовать... Я поехал за машиной, потому что придется сегодня основательно поколесить по городу.

– Чтобы действовать, тебе следует сначала сменить машину, – посоветовал Тобако.

– Time not on our side!⁹ – английской поговоркой ответил Басаргин.

– Я могу позвонить и договориться, чтобы тебе временно выделили машину. Через десять минут подгонят сюда вместе с доверенностью.

– Ты можешь удивиться, но против я не буду, – кивнул Басаргин.

⁹ Время не на нашей стороне!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Зарема ждала полторы недели...

И передумала за это – такое длительное для нее! – время множество дум. Устроиться на работу ей очень хотелось. Казалось, что такая перемена в жизни и саму жизнь переменит, добавит хотя бы частицу радости в дни без просвета, без солнечного луча. И потому, когда выходила во двор дома или на улицу, взгляд невольно устремлялся в сторону дороги, потому что вестей следовало ждать именно из Шали. И даже дома она часто выглядывала в окно – в ту же сторону смотрела.

Так она и высмотрела машину. Чаше забилося сердце, хотя машина была совсем не та, что привозила ее домой после памятного разговора с капитаном Басаргиным. Мало ли на какой машине за ней приехать могут...

Но, оказалось, эта машина не к ней и не за ней, хотя пассажирка, пожаловавшая в село, имела к ней отношение. Правда, Зарема не сразу поняла, кто сидит на переднем сиденье. Стекло в машине пыльное, да и не виделись они невесть сколько. Потом уже к ней прибежали и сказали. Приехала из Москвы старшая незамужняя сестра Адлана – Мадина. Ненадолго, только родителей навестить. Она в Москве закончила институт и осталась работать по специальности. Уже шестнадцать лет там живет.

Накрыли стол. Адлана добрым словом поминали. Женщины всплакнули. Для родителей, как и для сестры, как и для Заремы, он в памяти живым остался. Потом, когда за столом посидели, разговоры пошли, конечно, больше о Москве, о самой Мадине и неудачной ее личной жизни, одинокой жизни, связанной только с наукой. Уже вечером, когда солнце малиново пробивалось сквозь облака на западе, Мадина проводила Зарему до дома. Они сели во дворе на скамейку, сделанную руками мужа одной из них и брата другой, словно вспомнили таким образом о нем. Рядом сел, сложив руки на коленях, и Арчи. Он никогда не играл вместе с другими детьми. Только иногда стоял и смотрел, как другие дети бегают, но бегать с ними не хотел. И сами дети его чурались. Слишком взрослые были у маленького мальчика глаза, пугающе взрослые. Не могли дети в них смотреть.

Мадина племянника впервые в этот приезд увидела. И тоже, кажется, испугалась его вопросительно-пронзительного взгляда.

– Как же ты его кормишь? – сочувственно спросила Мадина. – Чем?

– Как придется... Огород... Родители помогают... Только... Только у меня... У самой одна мама осталась... Ей тоже помощь требуется...

Огород у Заремы маленький, земля каменистая. Но двух человек прокормить впроголодь в состоянии.

– Про работу пока ничего не слышно?

О том, как Зарема пыталась расстрелять машину с русским офицером из ФСБ, и о том, что офицер отпустил ее, потому что заступился за Зарему участковый, о работе, которую Зареме обещали, чтобы она могла сына прокормить, – знало уже все село. Рассказали и Мадине. Родители, наверное. У них уже было время поговорить. И потому Зарема вопросу не удивилась.

– Жду. Зураб обещал. И капитан Басаргин обещал. Наверное, это не просто сделать...

И было в ее голосе столько покорности судьбе и надежды на лучшее одновременно, что Мадина невольно вздохнула. Она тоже, хотя и давно не была дома, хорошо знала, как не просто найти здесь работу.

– Люди серьезные... Может быть, и помогут... А может, тебе в Москву поехать?

Зарема вздохнула тоже.

– Кому я там нужна...

– В Москве с работой проще. Всегда можно что-то найти. Хотя... – Она посмотрела на изуродованную руку Заремы и замолчала.

Зарема и сама знала – разговоры слышала не раз, что в Москве устроиться можно очень неплохо, но для этого надо быть или специалистом, или торгашом, или бандитом. Она не имела специальности и раньше, потому что выросла уже в то время, когда чеченские власти стали считать женщину принадлежностью дома, которой распоряжается хозяин, и не больше того. А правая рука практически не дает ей возможности стать хорошим специалистом сейчас. Грамотности у нее откровенно маловато, чтобы хорошую специальность получить, потому что в годы, когда Зарема выросла, власти опять решили, что женщина грамотной быть не должна и самое большее, на что могут девочки рассчитывать, это доучиться до четвертого-пятого класса. И то, что Зарема сумела восемь закончить, уже достижение. Мать Зураба – директор школы – помогала. Но этого все-таки мало. Что еще делать? Торговлей Зарема никогда не занималась. Научиться-то, может быть, и смогла бы, да чтобы торговать, надо иметь, чем торговать. Тоже деньги нужны. А взять их негде. Так и получается, что в Москву путь ей заказан.

* * *

Зураб приехал на следующий день, словно услышал там, у себя в Шали, женские жалобы на скудное существование. Опять на той же машине с синей полосой и двумя автоматчиками на заднем сиденье.

– Пока вакансия есть только одна. В столовой для офицеров подсобной рабочей. Хотели подождать, что-то получше подыскать, да у Басаргина командировка кончается. Уезжает он.

– Куда?

– Домой. В Москву. А без его помощи трудно устроиться. Поедешь?

– Поеду. А жить где? А Арчи как?

– Не с кем его здесь оставить?

– Не с кем. И не могу я бросить...

– Бери с собой. Он же у тебя смирный. И не плачет. Посадишь где-нибудь в уголке. И будет сидеть. А жить будешь в общежитии. Басаргин комнатку пробыет. Там офицеры живут. Командированные. И для тебя место найдется.

Она даже не вспомнила, что совсем недавно выходила на дорогу с автоматом, желая расстрелять длинными очередями машину с офицерами. Ей почему-то казалось тогда, что расстреливать надо обязательно длинными очередями. Зарема не знала, что из автомата стреляют короткими очередями, а при длинной очереди оружие уводит в сторону от цели.

– Когда?

– В воскресенье вечером я за тобой заеду. В понедельник выходишь на работу.

Осталось четыре дня...

Зураб уехал, а она пошла сначала к матери, ей сообщить, чтобы за дочь с внуком порадовалась. Мать, отрешенная от всей жизни после смерти отца, холодно кивнула и сказала только:

– Поезжай... Корми офицеров...

Зарема словно услышала то, что мать подумала. «Корми офицеров, которые твоего отца убили...» Это было больно и несправедливо. Все получалось несправедливо. Но эта работа – надежда хоть какой-то новой жизнью зажить, хоть что-то изменить в безрадостном существовании.

От матери, слегка поколебленная в своем решении, Зарема пошла к родителям Адлана. Рассказала и спросила, обжегшись уже на реакции матери:

– Что скажете? Соглашаться?

– Ну, что же, – сказал тесть. – Кормиться и тебе надо. И Арчи хоть что-то увидит...

Но вмешалась опять свекровь, со своей материнской непоколебимой логикой и вечной обидой. Теми же словами, что и родная мать, пожелала проводить ее:

– Поезжай... Корми офицеров...

Несказанное читалось во внимательном и суровом взгляде пожилой женщины: «Корми офицеров, которые моего сына и твоего мужа убили, которые тебя и твоего ребенка изувечили...»

И совсем Зарема готова была отказаться от своей надежды на новую жизнь, но тут Мадина со своим столичным рациональным мышлением вмешалась.

– Я так рада за тебя. Вот увидишь, все у тебя переменится... Здесь одной с ума сойти можно. И Арчи легче будет. Может, там хоть общаться научится... И не сомневайся, соглашайся!

Она согласилась. В дом вернулась, стала Арчи рассказывать. Он слушал молча, словно что-то слышал.

* * *

Когда в воскресенье вечером запылила вдаль дорога, а потом из облака пыли вынырнула машина с Зурабом, Зарема была уже готова. Она с обеда сидела, готовая. Собрала вещи в спортивную сумку мужа, что не вошло, в скатерть завернула и узлом завязала.

– Поехали?

– Поехали.

Оказалось, что не так просто им поехать. Маленький Арчи проявил силу, которой от него Зарема не ожидала, никак не хотел садиться в машину. Упирался. Хотя по-прежнему и не издавал ни звука. А в глазах застыл великий испуг, недетский ужас. Для него машина означала потерю отца, потерю речи и слуха, мучительное пребывание в больнице рядом с перевязанной матерью. Должно быть, впечатления от трагедии прочно вцепились в детскую память и отпустить не желали... Зарема с большим трудом удалось успокоить мальчика. И всю дорогу он просидел, спрятав лицо у нее на груди, вцепившись маленькими, но такими сильными ручонками в материнское тело.

Приехали в общежитие.

– Вот, теперь детский сад из нас сделали... – Пожилой прапорщик, комендант общежития для прикомандированных офицеров, был ворчливым, но беззлобным, это Зарема сразу на его лице прочитала. – Те же условия проживания, что и у офицеров, я тебе, дочка, не обещаю. И... Сама понимаешь... Мужики все ж таки... Даже на этаж тебя поселять рискованно. Есть комнатуха с отдельным входом. Вообще-то, хозяйственная комнатуха... Зимой там печку ставить придется, отопления там нет. Зато вход отдельный.

Он провел Зарему и Зураба в комнатуху, расположенную с торца здания. Помещение было завалено метлами, лопатами и всяким хозяйственным хламом.

– Разбирать надо.

Прапорщик дал милиционеру ключ от сарая.

– Перетаскайте все это вон туда... Там же возьмите кровать и стол. Стул только один дам. Из своего кабинета. Не хватает у нас стульев. И чайник электрический дам. Свой, личный. Матрац из сарая принесите, а постельное белье я выдам. Вот... Пусть здесь и живет. Здесь ей спокойнее. И на окне решетка. Никто не вломится... Завтра справку с работы принеси, что все в порядке, что не террористку я пригред.

Прапорщик ушел. Они занялись устройством комнаты, посадив на камень у порога маленького Арчи, который только-только успокоился после поездки в машине.

- А где капитан? – спросила Зарема. – Поблагодарить бы надо...
- Он еще в пятницу домой уехал.

2

– Мне пора отправляться, – сказал Басаргин. – Человек ждет. Первые сведения, согласно сакральной традиции, бывают самыми важными.

– Подожди. Я уже позвонил. Кстати, кажется, это он... – Тобако показал в окно, а потом посмотрел на часы. – Точность – вежливость королей!

Андрей оказался верен слову, ручаясь за своего человека. В самом деле, прошло ровно десять минут после звонка, и машина подъехала к дому. Маленький и верткий трехдверный джип «Тойота».

Вместе с Андреем они вышли на улицу. Сели в не слишком просторный салон. Хозяин передал ключи от машины и документы. Тут же заполнил своей рукой доверенность. Посмотрел на Андрея с вопросом:

– Так я побежал?

– Делай! – кивнул Андрей.

– Это кто? – поинтересовался Басаргин, когда мужчина свернул за угол. – Не каждый человек свою машину так вот просто незнакомому предоставит.

– Это не его машина. Это наша служебная. Она только оформлена на него. А сам он – один из наших волонтеров, с которыми ты так и не найдешь время познакомиться. Бизнесмен, и весьма преуспевающий. В том смысле преуспевающий, что успевает и свое дело не забывать, и с нами сотрудничать. Умеет координировать рабочее время. В финансовом отношении его бизнес мало дает. Так мало, что его даже рэкет не трогает.

– Времени в самом деле нам отпущено мало... – Александр вздохнул. – И потому я сразу отправляюсь на свидание. Заодно и новый транспорт опробую.

– Я тоже отправляюсь. – Андрей, уже выйдя из джипа, нажал кнопку пульта, отчего мяукнула сигнализация его «БМВ». – Доктор пока с ролью диспетчера справится. Когда он уедет, надо будет посадить за телефон Александру. Ты, как супруг, не возражаешь против привлечения ее к делам?

– Не возражаю, только близнецов моих в офис не пускать. Вся новую технику по винтику раскрутят.

– Сам воспитывай. Ты когда вернешься?

– Через час, думаю, буду на месте. У меня только две встречи. Но обе важные. А ты?

– Я позже.

Басаргин перебрался за руль. Вздохнул поглубже, решаясь, и повернул ключ в замке зажигания. Что и говорить, российские офицеры, даже офицеры спецслужб, не избалованы хорошими машинами – ни служебными, ни личными. После старого «Москвича» эта маленькая и изящная «Тойота» показалась удивительной и восхитительной, достойной любви и преклонения. И так легко чувствует каждое движение человеческой руки.

Невольно мысли вернулись к прежней службе. Как только не ругают в народе, в чем только не обвиняют работников спецслужб. А они делают свое дело и за зарплату, в десять раз меньшую, чем сейчас у Басаргина, и практически при минимальном финансировании оперативной работы. Уж, казалось бы, головное управление, где служил Александр! Здесь-то должно быть и финансирование хорошее, и оснащение качественное. Но там и не мыслят о своих спутниках, как у Интерпола. Там много лет следует простоять в очереди на квартиру, да и то в последнее время получение жилья – вопрос, повисший в воздухе. А Интерпол в состоянии просто предоставить квартиру новому сотруднику, да еще такую, что из нее не надо в офис далеко бежать. Когда будет такое в России?..

Ответить на свой же вопрос он не сумел, да и не ожидал, что сможет ответить. Хотя во времена КГБ, которые Басаргин только чуть-чуть застал, было гораздо проще работать. Тогда средств на охранение страны и ее жителей не жалели. Правда, не жалели еще больших средств на охранение жителей от всего остального мира...

Перед перекрестком, к которому Александр приближался по второму ряду, его неожиданно обогнал громоздкий джип «Линкольн Навигатор». Обогнал и подрезал, поворачивая вправо из третьего ряда. Александр еле-еле сумел избежать столкновения. И увидел, как насмешливо и с презрением посмотрел на него человек с правого переднего сиденья большого «Линкольна».

Ответ на недавний вопрос пришел сам собой. Тогда все станет нормальным и правильным, когда жизнью в стране будут управлять не такие вот хозяева, а настоящие. Себя и других уважающие. И он, как на прежней своей службе, так и сейчас, делает все для того, чтобы это время пришло быстрее. Когда комиссар Интерпола Станислав Сергеевич Костромин уговаривал Басаргина перейти служить в Интерпол. Когда, получив согласие, он объяснял ему различие между новой интерполовской структурой по борьбе с терроризмом и официальным НЦБ, ни слова не было сказано о главном. Не сказали ему открыто об этом и Тобако с Доктором Смерть. Но Басаргин сам это главное почувствовал. НЦБ является составной частью Интерпола, но одновременно продолжает являться полуофициальным подразделением МВД, поскольку сформировано из сотрудников МВД, более того, даже приказом по МВД. В самом Интерполе этим, естественно, не слишком довольны. Им хотелось бы иметь организацию собственного подчинения, никак не завязанную с властными структурами России. Именно поэтому они создали отдельное бюро, оправдывая необходимость такого создания режимом секретности и сформировав целую новую концепцию борьбы с терроризмом. Концепция остается концепцией, и с терроризмом бороться следует активнее и более жестко. Здесь Басаргин возразить ничего не сумел. Но в другом он полную неудачу Интерпола заметил. Как бы ни старались сотрудники штаб-квартиры в Лионе, как бы широко ни финансировали деятельность новой организации, она все равно останется российской и работать будет в основном на Россию и во благо России. Сегодня утром разговор с Тобако только подтвердил это.

* * *

Подъезжая к месту встречи, Басаргин достал «сотовик» и набрал номер.

– Слушаю, – ответили сразу.

– Это Басаргин. Вы далеко от места?

– Подхожу.

– С какой стороны?

– От станции метро.

– Не доходя до перекрестка поверните направо. Красный джипчик «Тойота»... Запомните номер...

Он продиктовал номер трижды, зная некоторую рассеянность человека, с которым предстоит встретиться. Может быть, даже и не рассеянность, а пугливость, следствием которой является невозможность сосредоточиться. Человек боится того, что делает, но не делать это тоже боится. Участь многих «сексотов».

– Я понял. Меня отвезут к вам?

– Нет. Я буду за рулем.

Он убрал трубку, перестроился заранее в первый ряд и аккуратно свернул направо уже на мигающий зеленый сигнал светофора. И сразу заметил знакомую фигуру, которая отошла от угла всего метров на двадцать.

Александр обогнал осведомителя, остановился и открыл дверцу, в которую человек сразу и юркнул.

– Здравствуйте, – протянул он жесткую сухощавую руку. – С приобретением вас...

– С каким? – не понял Александр, отвечая на рукопожатие. Почему-то промелькнула мысль о новой квартире и о возможной утечке информации.

– Машина...

– Это служебная.

– Все равно. Раньше вы на «Москвиче», кажется, ездили. Я все, помнится, удивлялся, как он до сих пор не разваливается на ходу.

– Я тоже постоянно этому удивлялся. Что-нибудь смогли узнать?

Осведомитель помрачнел и прокашлялся в кулак.

– Вчера вечером пытали, а сегодня, наверное, уже убили Гали Барджоева.

Когда волки грызутся между собой, это хороший признак. Особенно приятно услышать о подобном в момент, когда охотники вышли на тропу. Вой и визг можно услышать издали. Однако Басаргин читал во многих источниках, что волки никогда не дерутся насмерть. Дикие и злобные, они уважают один другого и, добившись победы, отпускают противника. Хищники вообще редко убивают себе подобных. Исключение составляют только мерзкие и очень высокоорганизованные в своем обществе гиены. Даже хищные птицы, у которых удар клюва, как удар ножа, и те всегда проявляют к побежденному великодушие. Из птиц дерутся до смерти только самцы голубя, ставшего с легкой руки Пикассо символом мира. А убивают друг друга, подобно хохочущим гиенам, люди, живущие, как им кажется, тоже в высокоорганизованном обществе.

– Кто такой Гали Барджоев?

– Уважаемый был человек. Думаю, найдется много желающих принять на себя обязанности кровника и рассчитаться за Гали. Он владел хлебобулочным комбинатом. Был добрым и хорошим человеком. Один недостаток – очень женщин любил и из-за этого постоянно страдал.

– Они его не любили? – холодно, без интереса, спросил Александр.

– Нет, не в этом дело. Просто слишком часто Гали приходилось лечиться. И ко мне даже обращался, хотя это не мой профиль. Я отправлял его к коллегам.

– Как вы узнали про Барджоева?

– Меня вчера привозили к нему. У него были многочисленные травмы, выбит глаз, переломаны обе руки и ребра. Гали постоянно терял сознание, и они боялись, что он умрет раньше времени.

– Раньше какого времени? – Басаргин желал точности. – Чего они ждали? Что хотели у него узнать?

– А вот этого я не знаю. Мне только сказали, что он должен дожить до утра. Я поставил ему новокаиновую блокаду в области ребер и укол снотворного, чтобы до утра отдохнул. Но у него опасные повреждения головы. Я боюсь, что он и до утра не смог дотянуть без оперативной помощи. Избит жесточайше... После такого редко выживают даже в реанимации. Как правило, бывают разрывы внутренних органов с обширными кровоизлияниями.

– Где это происходило?

– В служебном подвале клуба «Ночь нежна». Знаете, есть такой ночной клуб для богемы... Туда артисты съезжаются после спектаклей, художники всегда толкуются, ну и... всякие остальные, кто с деньгами... Только у меня к вам просьба. Если вы туда сегодня заявитесь, то сильно подставите меня. Там все равно уже никого найти невозможно. Утро прошло...

– Я согласен с вами. Делать там уже нечего. Ваши земляки часто в этом клубе собираются?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.